Застрявший в Великой Пустыне

Автор:
Антон Текшин

Застрявший в Великой Пустыне

Антон Викторович Текшин

Застрявший #1

Раньше у меня было ВСЁ.

Дорогие спорткары, лучшие женщины и огромная куча бабла, которую я никогда бы не смог потратить. О такой жизни неприлично даже мечтать, но мне и этого было мало. Хотелось чего-то большего… Например, смысла во всём этом.

Теперь же я – «счастливый» обладатель рабского ошейника и вонючих обносков, бредущий по огромной пустыне ЧУЖОГО мира. Здесь всё вокруг пытается тебя убить, а скоро вездесущая смерть доберётся и до меня. Воды нет, еды тоже, а моей рукой уже успели пообедать местные хищники.

Похоже, я крепко застрял…

Антон Текшин

Застрявший в Великой пустыне

© Текшин Антон

© ИДДК

* * *

Глава 1

Я скоро умру.

Эта мысль билась судорожным пульсом в моей голове, вторя захлёбывающемуся сердцу. Оно едва справлялось с перекачкой тягучей крови по организму, измученному жарой и ранами. Точнее, рана была всего одна, зато какая! Вместо правой руки из плечевого сустава торчал жалкий обрубок, обмотанный потемневшей от крови грязной тряпкой. От жары ткань заскорузла и намертво прилипла к культе, отчего при каждом неосторожном движении плечо разрывалось от боли.

Мне скоро настанет конец, окончательный и бесповоротный.

Вокруг – одна раскалённая оранжевая пустыня, и до виднеющихся на горизонте скал с усечёнными вершинами я точно не доберусь. Вода уже давно покинула мой организм, горячую кожу стянуло до струпьев, а обожжённые ступни попросту онемели. В таком песке хорошо готовить кофе по-восточному, а не шагать в деревянных сандалиях на босу ногу. Я бы сейчас согласился хоть на пресловутые лыжи, лишь бы перестать запекать ступни в собственном соку.

Твою ж мать, да сколько там градусов?! Пятьдесят, шестьдесят или вся сотня? По крайней мере, любая упавшая вниз жидкость мгновенно испаряется с рассерженным шипением, будто попав на жаровню. Неудивительно, что здесь ничего не растёт, даже самый завалящий кактус или саксаул. Вокруг один только чёртов песок, куда ни посмотри.

Тень.

Вот что мне сейчас нужно больше всего. Только где найти укрытие в этом бескрайнем море песка и пыли? Пологие барханы, напоминающие застывшие волны, были слишком низкими, чтобы хоть как-то укрыть от беспощадного светила.

Нет, этот день точно станет для меня последним…

Пытаясь сделать очередной судорожный вздох, я внезапно понял, что больше не могу. Всё, слиплись жабры у золотой рыбки. Иссушенное горло сдавило невидимой рукой, лишив меня пусть и горячего, но всё-таки воздуха. Ватные ноги подкосились, и я грузно рухнул в объятия оранжевого бархана. Тот принял меня как родной и принялся заботливо заносить сверху свежим песочком. Уже совсем скоро от меня не останется и следа, а ненасытная пустыня поглотит очередную жертву. Она уже и так порядком заждалась.

Вот и всё, получается? Мне конец?

Осознание приближающейся смерти прошило током вдоль позвоночника, заставив изнурённое тело выгнуться дугой. Словно ужаленный, я взвился над обволакивающим песком, а затем с размаху рухнул вниз, на твёрдую поверхность.

Чего?! Где я?!

На ощупь подо мной оказался самый обычный ковёр, который немного смягчил моё бесславное падение. Вроде как с кровати. Она обнаружилась совсем рядом, в считанных сантиметрах от лица.

Рука!

Родная конечность, к моему величайшему облегчению, оказалась на месте, в полном порядке. Да и боль безвозвратно ушла, не считая слегка ушибленного при падении локтя. Но это сущие мелочи по сравнению с тем, что мне только что довелось испытать.

Энергично растерев слезящиеся глаза, я огляделся. Вокруг меня постепенно проступали очертания стандартного люксового номера, погружённого во мрак короткой южной ночи. Время на подсвеченных часах – полчетвёртого утра, скоро уже начнёт светать.

Тяжело дыша, я сел прямо на полу, привалившись спиной к роскошному «гнезду любви», из которого только что вывалился, подобно неловкому кукушонку.

Встать на ноги сил пока что не было. Пот буквально тёк с меня ручьём, изрядно намочив смятые простыни и даже ковёр. Словно я побывал в роли мыши, которая только что выскочила из пасти голодного кота. И это при работающем кондиционере, который изо всех сил старался превратить мой номер в камеру холодильника. Судя по загулявшим по мокрому телу мурашкам, настройки были выставлены на самый минимум.

Это кто ж так накрутил, а?

Помимо смятого белья на широченной кровати обнаружилась парочка девушек, тесно прижавшихся друг другу в поисках ускользающего тепла. Их одежда была живописно разбросана по номеру, и обнажённые бедняжки мёрзли от искусственной стужи, не постеснявшись стянуть на себя всё одеяло.

Да и чёрт с ним, я сейчас был только рад прохладе. Изо рта едва не валил пар, но я всё равно продолжал обильно потеть и задыхаться. Астма, что ли, прихватила? Вроде бы никогда подобной ерундой не страдал…

В полумраке кое-как нашарил на прикроватной тумбе початую бутылку воды и осушил в три глотка. Живительная влага ледяной волной прокатилась по разгорячённому пищеводу и желудку, отчего я едва не поперхнулся. Но в целом организм отнёсся к влитой в него жидкости крайне положительно. Сердце понемногу принялось успокаиваться, а сжатое спазмом горло стало пропускать всё больше воздуха.

Ну надо же, какие дикие контрасты могут на дурную голову присниться! Возможно, мне стало настолько холодно, что подсознание решило таким образом «согреть» переохлаждённый организм. Заодно и кровушку по сосудам разогнать, ага.

Звучит логично… Только при чём здесь ампутация?

Руку во сне вроде бы не отлежал, судя по отсутствию покалывания. Ещё раз для пущего успокоения поднёс её к самому лицу и убедился, что всё в порядке. Обычная рука, в меру жилистая, с чётким рельефом мышц как следствие частого посещения спортзала. Под конец пару раз сжал и разжал кулак с длинными, «музыкальными», пальцами и аккуратным маникюром. Как говорил великий Александр Сергеевич: «Быть можно дельным человеком и думать о красе

ногтей». При моём уровне жизни будет странно стричь себе ногти, как и заниматься множеством других бесполезных дел. Для этого существуют специально обученные люди.

В конце концов, это ведь и есть пресловутая экономика.

С такими успокаивающими мыслями я кое-как поднялся с пола, опираясь на высокую спинку кровати. Посидел и хватит. Безумно хотелось чего-нибудь выпить, желательно целую цистерну залпом.

Накинув на озябшие плечи халат, зашаркал по направлению к мини-бару. В обозримом пространстве наблюдались одни лишь пустые бутылки – голые нимфы тоже испытывали жажду и выдули всё, до чего смогли дотянуться. Выгнать их, что ли? Да к чёрту, пусть лежат себе тихонько. У меня и так череп едва по швам не трещит, так ещё эти вопить начнут…

Будто подслушав мои мысли, одна из девиц всё же подняла взлохмаченную голову и сонно поинтересовалась:

– Всё в порядке? Ты кричал во сне.

– Ложись и спи, – посоветовал я ей, открывая хромированную дверцу мини-бара.

Девица даже бровью не повела, быстренько пристроившись обратно к подруге. Где же я их вчера подцепил, а? И где вообще меня носило накануне? Ничего внятного не припоминалось, одна цветная кутерьма в памяти. Будто кучу смазанных снимков беспорядочно перемешали, забыв хотя бы подписать для приличия.

Нет, однозначно нужно завязывать с кутежом – до добра это точно не доведёт.

При своих скромных габаритах бар мог запросто споить целую компанию, но я выбрал очередную бутылку воды с электролитами. К чёрту алкоголь, и туда же клубные «допинги». Продолжать затянувшуюся вечеринку не было никакого желания – и так уже всякий оранжевый бред снится. Не хватало ещё пресловутую «белочку» схватить и отъехать в профильную спецлечебницу. Один мой знакомый каждые полгода на подобную реабилитацию катается, и что-то он

не выглядит особо счастливым.

Проветрить затуманенную кошмаром голову я решил на балконе, по пути вырубив мерцающую на стене «плазму». Опять же отдельный вопрос, кто и на кой хрен её включил. Я принципиально не смотрю «зомбоящик», даже мельком. Мало ли, вдруг увижу там холёную рожу отца – тогда настроение будет испорчено с гарантией. И хорошо, если только на один день.

Странноватые у нас отношения. Он вроде бы делает все, чтобы я никогда ни в чём не нуждался, и при этом презирает меня до глубины души. Впрочем, нелюбовь у нас взаимная, поэтому мы давно уже стараемся максимально дистанцироваться друг от друга. Даже не припомню, сколько лет не разговаривали – пять, шесть?

Кстати, о годах. Возле «плазмы» я подобрал валяющийся на полу смартфон и убедился, что сегодня именно девятнадцатое июля. Вот и день рождения подкрался незаметно за «хлопотами и заботами». Решил от них отдохнуть по-человечески и самую малость переборщил…

Бывает. Я человек увлекающийся.

После переохлаждённого номера на улице было поначалу душновато, но потом в лицо пахнул свежий бриз, и стало чуть полегче. Волны неподалёку шумно накатывали на тёмную полосу берега. Балкон у меня, естественно, был с видом на море, однако здесь грамотная ночная подсветка отсутствовала в принципе, не считая редких фонарей на широкой набережной. И это они называют курортом мирового уровня? Кринж да и только!

Не будь в городе новенького автодрома, где проводились гонки той самой «Формулы-1» и чего попроще, меня сюда не заманили бы ни под каким предлогом. Спасибо и на том, что я здесь третью неделю уже торчу. С каждым годом желания появляться в России-матушке возникает всё меньше. Слишком много не самых приятных воспоминаний с ней связано.

Заскочить ненадолго, погонять на спорткарах – максимум, на что меня нынче хватает.

Только разбившийся накануне Жорик Силаев заставил застрять здесь куда дольше положенного. И если его коллекционную «Ламбу» ещё хоть немного жаль, то ждать, пока этого придурка выпишут из госпиталя, оказалось попросту невыносимо. Вот уже и кошмары снятся на нервной почве.

Жуткий сон постепенно выветривался из головы, оставляя наедине с тоскливыми мыслями, которые в последнее время возникали всё чаще.

Вот мне и стукнуло двадцать пять…

Гипотетическая треть отпущенного мне срока уже позади, но кого я обманываю? Хорошо, если половина. При моём образе жизни я сгорю гораздо быстрее, и с этим ничего не поделаешь. Да и делать, если честно, не очень-то и хотелось. Смерть особо не пугает. Её боятся лишь те, кто что-то не успел или кому есть что терять. Я же ни к чему не привязываюсь и ничем не дорожу. У меня есть всё и одновременно ничего. Ни одного человека я не могу назвать по-настоящему близким…

Даже если сейчас перевешусь через балкон и отправлюсь в полёт с девятнадцатого этажа, ни одна душа в целом мире не испытает ни малейшего сожаления. Ну разбился богатенький дурачок по пьяни, бывает. К сожалению, единственный человек, кто питал ко мне искренние чувства, уже давно не со мной.

Эх, мам, ну почему ты ушла так рано?!

Все эти чёртовы деньги так и не смогли тебя спасти, будто где-то наверху нашей семье решили вдруг напомнить, что мы такие же смертные, как и все остальные. Отец после этого окончательно закрылся, а у меня осталась лишь привитая тобой страсть к чтению. И проблем от неё гораздо больше, чем можно себе представить. Возможно, будь я таким же тупорылым прожигателем жизни, как все остальные, гораздо легче получалось бы справляться со всем этим дерьмом.

У подавляющего большинства людей моего круга подобных трудностей нет. Как и мозгов. Но это даже к лучшему. Они не задают вопросов, не пытаются разобраться в себе, а просто… существуют. Да, как тупые гусеницы, жрущие листья с утра до вечера, но не в этом ли счастье? Бабочками нам всё равно уже не стать.

Мы постоянно в поиске новых ощущений, которые неизбежно сводят в могилу. Кто-то врезается на дикой скорости в стену, которой по хрен, сколько у тебя нулей на счету, кто-то угасает от наркотиков и прочей дряни. А кто-то, как я, постепенно сходит с ума от осознания собственной никчёмности.

Нет, раньше всё же было как-то проще. Мир воспринимался более позитивно – он ведь лежал у моих ног. Весь!

В двадцать лет меня до глубины души потрясали сообщения, что кто-то из наших решил лишить себя жизни. Сейчас я начал их постепенно понимать. Возможно, в тридцать мне уже не останется ничего другого, как…

Неожиданно смартфон в кармане халата ожил, коротко запиликав модной песенкой. Такой же бессмысленной, как и предыдущие. Все мотивы на один лад, а слова… Нет, в них лучше не вслушиваться во избежание лишних вопросов к человеческой эволюции. Ещё один минус чтения – это моё проклятое критическое мышление, которое не даёт тупо наслаждаться жизнью.

И тут до меня вдруг дошло, что я давненько уже сижу на резных перилах, болтая босыми ногами в воздухе. Достаточно одного неловкого движения, и обо мне точно напишут в утренних постах по всей блогосфере. Однако слезать оттуда на безопасную поверхность балкона отчего-то не хотелось.

Вместо этого я просто достал смарт, который уже успел заткнуться, но всё ещё светился. Понятно, это сообщение пришло. Посмотрим, кто посмел меня побеспокоить в такой час. Неужели кто-то ещё помнит про мой день рождения?

Как оказалось, нет.

Отписался мой доверенный человек, которому я поручил отыскать одну редкую вещицу. Ему это удалось, но продавцы заломили цену в триста кусков. Понятное дело, что совсем не рублей. Для большинства жителей страны, да и соседних тоже, это неподъёмная сумма, но мне такие расходы вполне себе по плечу. Сколько бы я ни тратил, меньше денег всё равно не становится, уж папа об этом заботится денно и нощно. Ему давно хватило бы и на праправнуков, имейся у него таковые, но останавливаться он не собирался и продолжал жадно драться за кормушку с многочисленными конкурентами. Видимо, страсть к

зарабатыванию – это единственное, что приносит ему в жизни хоть какое-то удовольствие.

Тоже своеобразный наркотик, как ни крути.

Подтвердив транзакцию, я невольно усмехнулся. Пусть это будет мой вклад в монгольскую науку, наверняка весь её бюджет намного меньше. А мне уже сегодня должны доставить долгожданную покупку. И не какую-нибудь очередную безделушку, а настоящую археологическую ценность. Нефритовый диск, размером около тридцати сантиметров, с круглой дырой ровно посередине. Такие штуки до сих пор находят в Китае и сопредельных странах, на старых захоронениях знати. Датируются они приблизительно третьим-пятым тысячелетием до нашей эры, что само по себе впечатляет. Ровесники пирамид, получается.

Если честно, до недавнего времени я даже не подозревал о существовании этих занятных штуковин. И вряд ли бы когда узнал, не появись на горизонте Мария Ксандинова. Потомственная гречанка, проживающая в Красной Поляне, за несколько лет превратившейся из богом забытой глуши в настоящий горнолыжный курорт. Не самый респектабельный, но всё же.

Лично меня катание на «досках» не привлекало, и я до этого бывал там лишь однажды, вместе с шумной компашкой. Теперь же нужно регулярно туда наведываться, как на пресловутую работу. Даже смешно.

Казалось бы, какая связь между девятнадцатилетней девушкой и древними артефактами прошлого? Да самая прямая!

Дело в том, что Общество Застрявших, как мы сами себя окрестили, отчаянно нуждалось хоть в каком-то развлечении, чтобы не поехать крышей от вынужденного безделья. Гоночный трек после инцидента с Жориком временно закрыли, а носиться по здешним улицам даже в ночную пору грозило попаданием в госпиталь куда дольше, чем на пару недель. И если с местными полисменами ещё можно было уладить вопросы, то многочисленные грузовики, колесящие по городу исключительно в ночную пору, никакому контролю не поддавались. Гоняли они тоже будь здоров и активно вытесняли стритрейсеров на легальные площадки. Настолько активно, что некоторые уже не могли добраться туда своим ходом. Счёт погибших ставил новый рекорд от сезона к

сезону.

Бардак? Ну конечно! Только он тут везде.

Видя, как долго и упорно врачи собирали Жорика, я напрочь утратил всякое желание играть в пятнашки с грузовыми фурами. Таким образом, мы вернулись к своей излюбленной забаве под кодовым названием «Раздави вишенку».

Задумка далеко не нова, и подобным гусарством вовсю баловались ещё в царские времена. Выбиралась девица благочестивого нрава, обязательно невинная, а участники пари по одному к ней подкатывали. Кому удавалось соблазнить объект охоты, тот и выходил победителем. В нашем случае он загадывал, куда мы рванём после опостылевшего во всех смыслах Сочи. Ни о каких денежных призах речи быть не могло – на одни только наши карманные расходы можно прикупить небольшую страну в Африке.

Тут дело престижа, что куда ценнее.

Каждый мечтал утереть нос остальным, поэтому борьба развернулась нешуточная. Да и предпочтения у нас разнились очень сильно.

Я очень хотел рвануть на любимые острова, подальше от людей и прочей суеты, поэтому подошёл к покорению во всеоружии. На этот раз девица попалась ещё та, стоило поблагодарить частную контору за подбор такой яркой кандидатуры. Красавица, спортсменка, активистка, да к тому же обладательница волевого характера. Очень сложная жертва охоты, даже называть её просто Машей язык не поворачивался. Мария и всё тут.

Первые трое участников вылетели довольно быстро: Рафик и Наиль втупую решили закадрить её, положившись на дорогие тачки и фирменное обаяние. Увы, Мария не оценила ни того ни другого. В деньгах её семья особо не нуждалась – отец владел частной гостиницей, а запросы у девушки были до смешного скромные.

Гроза клубных недотрог Серёжа Белкин продержался чуть дольше, но его подвела вера в собственную неотразимость. Хотя до этого его ангельская внешность действовала на представительниц слабого пола безотказно. Не оседлай их семья в своё время газовую трубу, Серёжик вполне мог сделать

успешную модельную карьеру. К нему частенько стучались с предложениями различные журналы и ресурсы, но в съёмках он участвовал скорее от скуки, чем ради какого-то заработка.

Четвёртым участником стал я, Алексей Рюмин, известный среди элиты как Книжник. Не то чтобы я шлялся везде с томиком Бродского в руках или не к месту цитировал Шекспира… Просто мой кругозор заметно шире, чем у остальных. А уж в интеллектуальных унижениях мне практически нет равных. Хотя с годами я всё больше убеждаюсь, что в скудоумии кроется великое благо. Не зря Грибоедов ещё чёрт знает когда оформил эту мысль в своём бессмертном «Горе от ума».

Мотыльки живут всего несколько суток, но их это особо не парит. Они наслаждаются жизнью и не задумываются о завтрашнем дне. Даже когда сгорают в пламени, к которому так долго стремились. Оглядываясь на общество, что меня породило, я видел именно такой принцип мышления. Причём везде.

Мария с моими размышлениями в целом согласилась. Я подкараулил строптивицу на одной из общественных акций и беззастенчиво вывалил на неё всё, что творилось у меня на душе. К такому эмоциональному давлению девушка оказалась попросту не готова, и послать меня куда подальше у неё не хватило духу. Всё потому, что я – единственный, кто не поленился изучить её психопортрет, который предварительно составили частные детективы. Нет, всех остальных больше интересовали фото, желательно неглиже.

Придурки наивные, что с них взять…

Как и у всех людей, у внешне стойкой Марии нашлась своя слабость – синдром Матери Терезы. Дело в том, что её старший брат получил серьёзную родовую травму и вырос инвалидом. Так что она всю жизнь с ним нянчилась и заодно испытывала слабость к прочим убогим телом или душой. Мне особо даже не пришлось притворяться, чтобы завоевать её доверие. А финальным аккордом должен был стать тот самый нефритовый диск за триста штук.

Боже, храни Монголию! Надеюсь, они там культурную революцию на радостях не забабахают…

Излечить любимого братика греческой амазонки нельзя, даже при очень серьёзных финансовых вливаниях. Опять же к вопросу о реальной ценности денег. Современная медицина способна лишь купировать симптомы, чтобы больной мог хоть как-то передвигаться, а не лежать беспомощным куском мяса. С другой стороны, это стало бы слишком лёгким решением проблемы – оплатить лечение взамен на её невинность.

Больше похоже на какую-то деловую сделку, а мне такое неинтересно.

И всё равно бедняга Костя Ксандинов являлся заветным ключом к моей победе. Хоть у парня в своё время серьёзно повредило центральную нервную систему, дегенератом он не являлся, даже наоборот. Беспомощная физическая оболочка послужила мощным толчком к развитию интеллекта. Так что теперь молодой человек учился в аспирантуре на вполне законных правах. Разумеется, заочно, но в наш век развитых технологий это не вызывает сложностей.

Сейчас даже лекции ведут онлайн, и никого таким не удивишь.

Мария тоже активно грызла гранит науки, но пока что окончила только второй курс. И если её выбор пал на социально-гуманитарный факультет, то брат предпочёл суровый исторический. Именно он поведал мне о дисках со смешным названием «Би», а также о своей революционной гипотезе, что эти артефакты прошлого были в ходу даже здесь, на Кавказе, за тысячи километров от ближайшей находки. Он обнаружил похожее изображение на снимках одной из найденных недавно пещер и хотел удостовериться в этом лично. Правда, мешала ему не только собственная инвалидность, но и отсутствие на руках даже банальной реплики диска. Задумка Костика мне в целом понравилась, и я решил ему немножечко помочь.

Тысяч на триста, ага.

А заодно окончательно растопить сердце его неприступной сестрёнки. Благо те самые пещеры находились у чёрта на рогах – посреди Кавказского заповедника, и ночевать нам предстояло в уединённом гостевом домике на склонах высокогорья. Эх, романтика…

Это всё я успел пробить накануне той самой вечеринки, что едва не вышибла мне последние мозги. Немного проветрить голову на лоне природы точно не

повредит. А то всякие пустыни снятся, и совсем не в гостеприимных Эмиратах.

Если всё сложится удачно, то уже сегодня к вечеру благодарная Мария поможет выиграть спор. Это ли не лучший подарок на день рождения?

Глава 2

– Эти пещеры нашли по чистой случайности, – продолжал рассказывать наш водитель, взваливший на себя ещё и обязанности гида. – Когда строили объездную дорогу на Архыз. Там оползневый участок, и во время очередного схода обнажилась полость в скале. Инженеры сразу поняли, что она рукотворная, а следом и мы туда подкатили со специалистами…

Само собой, транспортировку дорогих гостей доверили не кому-нибудь, а одному из самых опытных работников заповедника. И судя по его бюджетно-нафаршированному «Патролу», он частенько промышлял джипингом. То есть катал по горам богатеньких туристов и прочую влиятельную публику, вроде нас.

Длинную машину почти не трясло на многочисленных ухабах, поэтому поездку временами даже можно было назвать комфортной. Это вам не пресловутые УАЗы, на которых здесь гоняли все кому не лень. Вот уж там, как в шейкере у бармена, все внутренние органы моментально перемешаются от дикой болтанки.

Сегодняшний же день был просто обязан пройти без эксцессов, о чём я недвусмысленно предупредил водителя сразу же после приветственного рукопожатия.

– Саша, – коротко представился он.

– Алексей, – ответил я, не став коверкать собственное имя.

От пресловутого «Лёши», а тем более «Лёхи», меня натурально коробит. Сразу же представляется какой-то деревенский слюнтяй или ютящийся в подворотне гопник. Так что все окружающие называли меня полным вариантом либо

сокращали до благопристойного Алекса. Тем более на всех моих европейских документах стояло именно это имя.

Работник оказался довольно молод – не старше тридцати, имел едва уловимые восточные черты лица и носил аккуратную эспаньолку, которая делала его похожим на далёкого потомка монголо-татар. Светло-голубые глаза смотрели с хитрым прищуром, без всякого приторного раболепства. Сразу видно, что человек себе на уме. Тем проще с ним оказалось найти общий язык.

Я с умным видом послушал работу двигателя, похвалил хороший апгрейд, после чего перекинул парню на личный счёт пятизначную сумму. Так сказать, для дальнейшего доведения автомобиля до ума. Саша расцвёл, будто сакура на китайских нитратах, и пообещал сделать всё в лучшем виде. Ну кто бы сомневался.

Если в этой жизни у меня что-то и получалось, так это находить подход к людям.

– Скажите, Александр, а вас как работника государственного заповедника не корёжит такое отношение к природе? – задала провокационный вопрос Мария. – Они ведь строят дорогу прямо по вашим землям!

Обычно в общении с посторонними людьми девушка себя худо-бедно сдерживала, однако иногда её внутренняя активистка прорывалась-таки наружу. Возможно, с годами она научится лучше себя контролировать, но сейчас же из неё так и пёр юношеский максимализм. Я тоже был таким раньше и с большим трудом приучил себя сглаживать острые углы. А на тупые – не обращать внимания.

– Конечно, мы не в восторге от всего этого бардака, – честно ответил Саша. – Но вы верно подметили – учреждение у нас государственное, и против его воли особо не попрёшь.

– Возмутительно! – сверкнула карими глазами моя спутница. – Алекс, а как ты считаешь?

«Если бы ты знала, подруга, насколько мне плевать, ты бы разрыдалась».

Вслух же я сказал совсем другое:

– Объездная дорога нужна этому городу, как и лыжные трассы. Другое дело, как именно работа будет сделана. Если за рубежом что-то строят, они обязательно делают это с оглядкой на экологов и прочую зелёную братию. У нас же смотрят только на то, сколько можно на проекте своровать.

– И тебя это не бесит?

– Я предпочитаю делать что-то конкретное, чем попусту сотрясать воздух.

– Но…

– Алекс прав, – перебил её брат. – Бороться с собственным государством – это как сражаться с ветряными мельницами. Никакие забастовки и петиции ни к чему не приведут. Нужен жёсткий контроль и всё.

Константин переживал поездку хуже всех, так что за своевременную поддержку он заслуживал отдельную благодарность. В дороге его периодически тошнило, и между приступами начинающий историк долго отпивался водой и глотал противорвотное. Но при этом всё равно продолжал выглядеть счастливейшим на свете человеком. Парнишку можно понять – это его первая в жизни научная экспедиция. А не просто покатушки по горным серпантинам.

Пока гордая дочь Эллады демонстративно дулась на сговорившихся против неё мужчин, машина успела перевалить за очередной скальный карниз и покатила по ухабистой колее вдоль вершины, отвесно уходившей куда-то в небеса. Наверху, будто назло календарю, поблёскивал ноздреватый снег, да и многие соседние горы могли похвастаться белоснежными шапками. Вид отсюда был потрясающий, и только налетевшие со всех сторон облака портили обзор. Было непривычно смотреть на них сверху вниз, не из иллюминатора самолёта.

Красиво…

– А на какой мы сейчас высоте?

– Около двух с половиной тысяч, – не задумываясь ответил Саша. – Почти приехали, если будет тяжело дышать – говорите, не стесняйтесь.

Грудь действительно чуть сдавило, но особого дискомфорта я не испытывал до самой остановки. Ухо разве что ненадолго заложило. Так что припасённая мятная жвачка оказалась весьма кстати. Я вообще много чего прихватил с собой – почти полный багажник получился. Впереди маячила ночёвка в лагере, обустроенном не хуже альпийских шале, и от моей предусмотрительности зависело очень многое. Не пошлёшь ведь человека в ближайший супермаркет…

В конце концов мы остановились посреди небольшой площадки, похожей на нависший над пропастью карниз, от которой вниз уходила видимая невооружённым глазом тропа. Учитывая, что вокруг был один сплошной камень, ходили тут часто. Я с удовольствием размял затёкшие ноги, заодно проверив, как держит подошва новеньких туристических ботинок. Будет совсем невесело, если у меня вдруг подвернётся нога и придётся вызывать вертолёт.

А вот за Марию можно особо не переживать – девушка пружинисто выпрыгнула из салона и теперь вовсю разминалась, не забывая про растяжку. Все ближайшие горы она излазила вдоль и поперёк, так что уровнем подготовки едва ли уступала иному инструктору. Что касается Костика, его ждали мобильные носилки и два носильщика в комплекте, катившие за нами на раритетном ГАЗ-69. Том самом, который в народе ласково прозвали «козликом» за его запредельную по тем временам проходимость.

Рисковать я не хотел совершенно, поэтому убедил парня, что пытаться идти самому – не самая лучшая затея. Он по ровной-то поверхности передвигался исключительно при помощи костылей, а тут и здоровый человек запросто себе шею свернёт. Так что только носилки, приятель, без обид.

В качестве подсластительной пилюли выступал защитный кофр, в котором покоился тот самый диск «Би». Стоило только приоткрыть его на капоте «ниссана», якобы для проверки содержимого, как молодой учёный едва не взвился от радости до небес. Благо до них отсюда уже не так далеко.

Глядя на витающего в облаках брата, заметно подобрела и сама Мария. В её мимолётном взгляде плескалось столько благодарности, что мне на секунду стало не по себе от накатившей тоски. Всё однозначно закончится сегодня

ночью, и этот крепкий с виду орешек окажется расколот и предоставлен сам себе.

Никакого интереса…

Побороть навалившуюся хандру удалось с большим трудом. Для чего пришлось ненадолго закрыть глаза и напомнить себе, ради чего я сюда забрался. Выигрыш спора – всего лишь средство наконец-то оказаться на любимых островах, посреди умиротворяющего океана. Возможно, там мне станет хоть немного легче. Иначе я скоро окажусь во всех утренних новостях.

Моя борьба с очередным приступом не укрылась от внимательного взгляда Саши, который тут же пристал с расспросами:

– Голова кружится? Тошнит?

– Ничего, уже всё нормально, – успокоил я его, вручая драгоценный кофр. – Пойдёмте уже наверх, что ли? Не терпится взглянуть на эту вашу загадочную пещеру.

– Скорее уж тоннель… – тихо пробормотал себе под нос один из носильщиков.

И он оказался чертовски прав, так как природа такого сотворить точно бы не смогла.

Но сначала нам пришлось хорошенько попетлять по тропе, которая чередовалась с деревянными мостками. А для пущего удобства вдоль всего маршрута была натянута верёвка. Отсюда было видно, как часть сыпучей чёрной породы съехала куда-то вниз, обнажив каменные рёбра древних наслоений. Дорога же шла вовсе в другой стороне, и о её существовании напоминали лишь недостроенные опоры будущего моста далеко внизу. Под ними чёрных холмов было ещё больше, только они вовсе не выглядели как земляные отвалы. Скорее уж как уголь, который тускло поблёскивал на солнце.

– Это аргиллит, – решил просветить меня эрудированный Константин, покачивающийся в современном паланкине. – Если его смочить, то коэффициент скольжения будет выше, чем у глины! Это ведь осадочные породы, а точнее,

окаменевший ил. Видимо, строители нарушили подземный водоток, вот и случился оползень.

– А откуда тут илу взяться? – Я демонстративно развёл руками, будто пытался охватить весь Кавказский хребет.

– Просто раньше здесь был океан, – охотно поведал парень, словно ждал этого вопроса. – Все эти горы были подводными скалами. Но потом, совсем недавно, по геологическим меркам, они резко поднялись вверх.

– «Недавно» – это пару-тройку миллионов лет назад? – усмехнулся я.

– Да нет же, всего несколько тысяч. Для нас, людей, это всё равно очень много, но для природы это произошло буквально вчера. Даже пляжи ещё не успели толком сформироваться.

– О да! – воскликнул я, припомнив здешние особенности. – Меня всегда поражало, почему тут сплошная галька вместо нормального песка. Получается, она просто ещё не успела перетереться?

– Верно! Причём горы до сих пор продолжают постепенно всплывать, отодвигая линию моря.

– Надеюсь, они возьмут небольшую паузу на сегодня.

Костя снова показал себя молодцом: серая тоска отступила, и мир вокруг наполнился какими-никакими красками. Пожалуй, я не зря потратил на парня триста штук. Оставлю-ка ему диск на память, не возвращать же его монгольским перекупщикам, в самом деле. Должна же от меня добрая память остаться, хоть у кого-то…

Спуск вышел довольно продолжительным, из-за того что постоянно приходилось двигаться зигзагами. Однако прямой путь могли себе позволить только птички либо самоубийцы. Где-то далеко внизу искрилась голубая нитка горной реки, зажатая скальными выступами, но до неё отсюда было несколько сотен метров. Никогда не испытывал высотобоязни, но при одном взгляде в пропасть по соседству ноги становились немного ватными.

Это хорошо. Значит, я всё ещё цепляюсь за эту бесполезную жизнь.

Отсюда был прекрасно виден сам оползень, бесформенной чёрной кучей занявший часть подножья. Неумолимая вода проточила себе путь через рыхлую породу, но дальше её цвет больше напоминал коктейль с каким-нибудь вискарём. А вот вход в пещеру я узрел, только когда встал прямо напротив него. И он… впечатлял.

Выглядело всё это как овальный провал в здоровенной каменной плите. Края арки действительно были слишком ровными, хотя я слабо представлял, чем их древние люди могли проковырять, не зная железа и прочих твёрдых сплавов. И это не считая почти отвесного склона.

– Ух ты, прямо как в наших дольменах! – восхитился Костя.

– Да, только там ребёнок едва пролезет, – заметил я. – А тут никак не меньше трёх метров в поперечнике.

– Два с половиной, – поправил Саша. – От ЮНЕСКО недавно приезжали специалисты, измеряли тут. Хотят комплекс в реестр свой занести.

– И правильно, – кивнул Костя. – А то начнут туристов водить, и те всё здесь разворотят.

Я не стал напоминать ему, что мы вроде как тоже туристы. И даже не самые первые, кто сюда смог попасть за последнее время. К примеру, на внутренней стороне каменной арки были начерчены какие-то непонятные цифры чёрным маркером, примерно на уровне человеческих глаз. Ну хоть не пресловутое: «Здесь был Вася из Урюпинска», – что уже радует.

За входом постепенно сгущалась тьма, но у нас имелись яркие фонарики, интегрированные прямо в строительные каски. По-другому в пещеры заходить было нельзя, так что пришлось принести собственную причёску в жертву науке. Никогда не носил короткие волосы, но и длинные пакли мне тоже не нравились. Саша тщательно затянул все крепления, чтобы каска не съехала набекрень от резкого движения, но я и не думал протестовать. Безопасность превыше всего.

Идти предстояло всё по тому же узкому настилу из досок, не касаясь заваленного мелкими камешками пола. Кое-где виднелись деревянные П-образные подпорки, но в их эффективность верилось с трудом.

– Это чтобы вам по голове сверху ничего не прилетело, – снова взялся за объяснения Саша. – С тропы не сходить, держаться вместе. Всё ясно?

– Так точно, командир, – недовольно отсалютовала Мария.

Девушку не портила даже нелепая оранжевая каска, а уж оделась она так, что даже у носильщиков текли слюни. Облегающие штаны, приталенная куртка, а под ней – спортивный топ, подчёркивающий серьёзные достоинства юной активистки. Размера эдак третьего, не меньше. Скалолазания у нас не предполагалось, так что эта одежда вполне подходила для прогулок на свежем воздухе. Я тоже не стал особо наряжаться, а вот Саша помимо каски нацепил ещё и жилетку с множеством карманов и клапанов, забитых всяким полезным добром. Отдалённо она напоминала военную разгрузку.

Камуфлированные мужики остались снаружи вместе с носилками, и внутрь рукотворной пещеры мы углубились вчетвером. Хотя это громко сказано – уже через двадцать метров проход преграждал завал из огромных глыб, к которому категорически запрещалось приближаться. Насколько глубок тоннель, никто пока что сказать не мог.

К счастью, цель нашего похода находилась чуть ближе завала.

Стоило преодолеть гладкий, как яйцо, тамбур, как на стенах стали встречаться всевозможные барельефы, выполненные на приличном уровне мастерства. В одних изображениях точно угадывались люди и животные, но большая часть представляла собой укуренную абстракцию. Сложное переплетение геометрических фигур, какие-то кольца и продольные линии… А некоторые и вовсе напоминали странные механизмы в разрезе.

Я притормозил у одной композиции, где было изображено нечто смахивающее на паука с задранными лапами, и восхитился детализацией и проработкой. У барельефа оказались прорисованы даже суставчатые складки, как в самых древних египетских храмах. Только привычных иероглифов не было – одни непонятные палочки да закорючки.

От дальнейшего созерцания слепка прошлых эпох меня отвлекли яркие вспышки, больно резанувшие по глазам. Восхищённая Мария вовсю снимала на стильный «айфон», а её брат – на более-менее профессиональную «зеркалку». Мне же делать фото на память было ни к чему. Захочу снова это увидеть – съезжу сюда ещё раз. Вообще не люблю фотографировать, потому что в снимках нет жизни. Их не потрогать и никак не ощутить, а для обычных воспоминаний волне годится собственная память. Благо на неё мне грех жаловаться.

Так что, пока Ксандиновы окончательно не выжгли мне сетчатку, я поспешил надеть защитные очки. Опытный Саша щеголял в них с самого начала и не спускал с нас троих глаз. Хотя куда тут денешься…

Камень вокруг не был однородным, но все стыки были аккуратно замазаны чем-то более светлым. Раствором, что ли? Или знаменитой древней смесью на сыром яйце? В любом случае это творение рук человеческих простояло невероятно долго, почти не пострадав от беспощадного времени. Лишь несколько барельефов осыпались полностью, а один и вовсе как будто бы соскоблили нарочно. Или просто материал подобрали неудачно – не все ведь камни одинаково прочны.

А вот нефрит по ударной прочности вполне сравним со сталью или гранитом. Специально поинтересовался, когда узнавал про загадочные диски. Неудивительно, что эти артефакты сохранились спустя столько тысяч лет. Другое дело, как их тогда смогли изготовить без современных технологий?

В инопланетян не особо верилось, так что воображение тут же нарисовало огромную мануфактуру, где трудолюбивые китайцы с ночи до утра полировали неподатливую породу, пока не теряли профпригодность от старости. После чего эстафету подхватывали их потомки… и так далее. Трудоёмко? Разумеется. Но кого в те дикие времена это заботило…

Вполне возможно, что этот самый кругляш прошёл через несколько поколений мастеров, пока не принял окончательную форму. Витиеватый орнамент никаких ассоциаций не вызывал, но выглядел загадочно и красиво. Саша осторожно открыл кейс и вытащил тридцатисантиметровую пластину под восхищённые взгляды Ксандиновых.

Сейчас, в полутьме пещеры, это действо выглядело каким-то ритуалом.

– Вот сюда, – тихонько прошептал Костя, указывая на одну из стен.

Из любопытства я подошёл ближе и увидел на том месте кольцеобразную выемку с цилиндрическим выступом посередине. А вот и сам алтарь или как его там по-научному. Этот участок барельефа разительно отличался от остальных, будто его сюда нарочно врезали. Слишком уж правильный прямоугольник из плотного тёмно-коричневого камня с блестящими искорками. Такой больше нигде не встречался.

Гранит, что ли?

В любом случае отполирован он был до состояния капота спортивного автомобиля. Я провёл по расписной глыбе пальцем, но не почувствовал даже мельчайшей шероховатости. Идеально гладкая поверхность, будто литьё. И ещё – неожиданно тёплая, хотя в самой пещере было зябковато. Для сравнения я коснулся соседних участков, и там камень отчётливо холодил кожу. Странно.

Саша к моим ощупываниям отнёсся с пониманием, хотя это напрямую нарушало все его инструкции. Ведь сам он пошёл ещё дальше, науськиваемый Костиком, и попытался вставить диск в углубление. Что получилось без особых проблем. Ещё когда древний артефакт только покинул кейс, я уже знал, что он войдёт туда как родной. С глазомером у меня всегда был полный порядок.

Так что я не стал изумлённо охать, когда нефритовая пластина чётко встала в кольцеобразный паз, будто тут всегда и была. Саша убрал руки и отступил в сторону, позволив публике вдоволь налюбоваться получившейся инсталляцией. Радостные Ксандиновы тут же защёлкали вспышками, заставив меня ненадолго отвернуться. Но, к счастью, издевательство над моими глазами вскоре закончилось.

– Алекс, ты хоть представляешь, что это значит?! – восторженно спросил Костя, едва не танцуя на костылях.

– Нет, но полагаю, ты мне сейчас всё объяснишь.

– Это настоящее Открытие, с большой буквы! Да они все там удавятся от такого! Это же рвёт всю классическую схему в лоскуты!

– Бедные китайцы, и тут впахивали сверхурочно… – пробормотал я, разглядывая композицию. – Было очевидно с самого начала, что здесь поработали одни и те же мастера. Даже орнамент на диске частично совпадает.

– А мне кажется, нужно немножко его повернуть, – сказала Мария, склонив голову набок.

– Возможно, – согласился с ней брат. – Попробуй покрути.

– Может, лучше я? – предложил Саша с явным напряжением в голосе.

– Тут нужны нежные женские руки, – успокоил я его. – По мне, и так смотрится неплохо, но пусть юные исследователи поиграют.

– Смотрите, вот сейчас… Нет?

Мария без труда провернула диск, но результат её снова не устроил. Тогда она медленно открутила обратно, пока выпуклости и впадинки на артефакте точно не совпали с окружающим выемку орнаментом. Получился единый рисунок, пусть и по-прежнему весьма абстрактный. Мне никак не удавалось постичь суть всех этих переплетений, хотя что-то отдалённое они всё же напоминали.

Не успели мы выразить восхищение работой древних мастеров, как девушка неожиданно отдёрнула руку от камня:

– Ой!

– Что? – тут же подскочил к ней Саша.

– Жжётся, – пожаловалась та, продемонстрировав покрасневшие кончики пальцев.

– Слушайте, а действительно…

Работник заповедника предусмотрительно не стал касаться поверхности, а просто провел рукой рядом. Да я и сам почувствовал волну жара собственным

лицом, будто заглянул в открытую печь, где прямо при тебе готовится фирменная пицца. Только вот мы сейчас находились не в семейном ресторанчике на Сицилии.

– Что за бред…

Больше я не успел ничего сказать, так как пол под нами резко вздрогнул. Вокруг всё затрещало, а по каске весело забарабанили мелкие камушки. Неужели землетрясение?! Как не вовремя!

Я дёрнулся было к выходу, но собственные ноги внезапно подкосились, будто после приёма бутылочки-другой горячительного. Пещера завертелась хороводом, заставив мою довольно крепкую вестибулярку свернуться в крендель. Уши заложило до острой рези, буквально вдавливая барабанные перепонки внутрь черепа. Единственное, что удалось рассмотреть в этой круговерти, – как рядом со мной на пол плюхнулась ошарашенная Мария, беззвучно разевая рот.

Ох, не так я себе нашу близость представлял…

Когда тошнота подступила уже к самой гортани, в голове что-то пронзительно лопнуло, окончательно отправив меня в небытие. Последней мыслью стало: романтике сегодня точно не быть. А потом я умер…

Или нет?

Мёртвым ведь не бывает настолько хреново. А у меня болело всё, включая те места, что и чувствоваться в обычных обстоятельствах не должны. Каждый орган разламывался, каждая косточка трещала от боли, и я бы ни за что не сдвинулся с места, не выжги мне зрачки ослепительный свет. Пришлось приподнять бетонную по весу руку, чтобы хоть как-то спрятать лицо.

– Живой?

Звук едва достиг моего сжавшегося сознания сквозь громкий гул в ушах. Всё, что я смог, – это утвердительно прохрипеть:

– Да.

– Хорошо. Лежи отдыхай.

Отличное предложение, с этим я точно справлюсь. Саша правильно расставил приоритеты, сунувшись сначала ко мне. Нужно его обязательно отблагодарить, когда выберемся отсюда.

Съездили, понимаешь, к археологии приобщиться! Романтики захотелось придурку!

Ладно, отставить истерику. Главное, что нас не завалило камнями в этой долбаной пещере, а дальше уж как-нибудь выберемся. Достаточно только сделать один звонок, и эту вшивую гору снесут до основания, лишь бы нас вытащить. Хотя тут что-то не так…

Перед глазами ещё отплясывали цветные пятна с искорками, но я всё больше убеждался, что вокруг нас вовсе не камень. Мечущийся по сторонам свет фонарика Саши то и дело выхватывал какие-то ржавые остовы, не вызывающие ни малейших ассоциаций. Да и подо мной находились вовсе не доски настила, а нечто шершавое и холодное. На ощупь – вроде бы металл.

Я завозился на полу сразу всеми конечностями, будто выброшенный на берег головоногий моллюск, и вскоре смог сесть. Боль потихоньку уходила, но мышцы всё равно оставались непривычно вялыми, да и тошнота никуда не делась. Такого жуткого отходняка у меня давненько не случалось, но сейчас-то он с какого перепугу? Судя по мокрой и вонючей куртке, меня всё же вывернуло наизнанку, хотя этого момента я не помнил совершенно. Хорошо хоть не захлебнулся, как конченый нарик, – вот это была бы досадная смерть.

Мой фонарик почему-то отключился, но я его быстро привёл в рабочее состояние, пощёлкав переключателем туда-сюда. Яркий конус окончательно убедил, что мы находимся не в пещере. Вокруг виднелся один лишь металл, без намёка на какой-либо выход. Помещение с низким потолком было загромождено всякими непонятными штуками, к которым было страшно прикасаться, – того и гляди рассыплются ржавой пылью. Стены и пол тоже были металлические, как будто нас занесло в какой-то ветхозаветный гараж.

Неподалёку вымазанный в чёрно-рыжей пыли Саша пытался привести в чувство Ксандиновых, которые вяло ворочались на полу. Выглядели они как жертвы затянувшейся вечеринки, так что плохо здесь было не мне одному. Это немного успокаивало, хотя ясности не вносило.

Что-то я совсем перестал понимать происходящее.

– Где мы? – просипел я, прочистив горло.

– Вроде склад какой-то, – не очень уверенно ответил работник заповедника. – Но таких агрегатов я никогда не видел.

Он нарочно повернул голову, подсветив странную конструкцию, напоминавшую древний компьютер. Из той эпохи, когда они назывались ЭВМ и занимали целые дома. Весь такой угловатый и монументальный, с небольшим выпуклым экраном посередине и кучей здоровенных кнопок. Как в старых лифтах тридцатых годов, которые ещё встречаются на Манхеттене. Защитный кожух давно истлел, и сквозь прорехи были отчётливо видны толстые жгуты кабелей и какие-то тёмные платы.

Остальные штуковины выглядели не лучше, а одна и вовсе представляла собой груду запчастей в рассыпавшемся на куски каркасе.

Это не склад, а какая-то дремучая свалка. Каждое неосторожно движение поднимало в воздух едкую пыль, от которой тут же хотелось выкашлять собственные лёгкие. Кажется, сюда очень давно никто не заглядывал. Вдвойне удивительно здесь очутиться.

А что, если это похищение? И вырубились мы не просто так, а от какой-нибудь нервнопаралитической дряни, которую распылили в пещере? А потом нас засунули в какой-то военный бункер времён Колчака, чтобы ни одна живая душа меня тут не нашла. Только зачем прихватили остальных, за компанию, что ли? Выкупа с них никакого, чистый балласт.

Это хотя бы немного объясняло, почему телефон и часы так и не смогли нащупать связь, сколько бы я их ни терзал, но теория всё равно казалась высосанной из пальца. Почему нас не лишили всех гаджетов на всякий случай? Почему бросили без охраны? А если бы я банально загнулся от этой химии?

Тем временем Ксандиновы тоже понемногу пришли в себя, с теми же самыми симптомами. Мария справилась со слабостью гораздо лучше, а вот Костику было реально хреново. Настолько, что у него открылось носовое кровотечение. Саша как мог облегчал его страдания, достав из охотничьей разгрузки салфетки и прочую медицинскую дребедень.

Пока ребята хлопотали над юным археологом, я решил обследовать помещение и выяснить, как бы отсюда свалить поскорее. Большими габаритами оно похвастаться не могло, поэтому даже шаркающим шагом получилось пройти вдоль стен за пару минут.

Из интересного обнаружился точно такой же алтарь с углублением под диск, только выточенный из более тёмного камня. Почти чёрного цвета с ярко выраженным глянцем, как обсидиан. Посреди царства металла он смотрелся немного инородно, хотя его окружали всякие странные причиндалы. Некоторые явно играли роль креплений, огранявших кубическую каменюку со всех сторон, а вот всё прочее оставалось непонятным нагромождением техники. Одно можно сказать совершенно точно: минерал не притащили сюда вместе с нами из пещеры, он пылится здесь уже очень давно.

Эта находка серьёзно пошатнула версию похищения, а окончательно она посыпалась, когда я наткнулся на дверь. Такую же ржавую, как и всё вокруг, только вместо ручки она имела поворотное колесо, как на подводной лодке. Мы с ребятами однажды путешествовали на частной субмарине по дну Средиземного моря, и вот там были очень похожие запорные механизмы.

В бункерах такие тоже наверняка встречаются, но, судя по виду створки, к ней никто не прикасался. В этом столетии уж точно.

Запасной выход? Тогда где же парадная дверь?

Я совершил ещё одну кругостенку и вновь вернулся к махровому от ржавчины штурвалу. Больше никаких отверстий отыскать не удалось, кроме небольшой решётки на потолке. По всему выходило, что это вентиляция, но нам данное технологическое отверстие не годилось – туда даже стройная Мария не пролезет.

К подобным выводам пришёл и Саша, закончивший изображать из себя медбрата. Он в точности повторил мой маршрут, но долго созерцать дверь не стал, а тут же взялся за колесо.

– Нужно спешить, – пояснил он, пыхтя от натуги. – Непонятно, что тут с воздухом.

С этим заявлением сложно было спорить. Если вентиляция забита, то в герметичном помещении мы долго не протянем. Необходимо найти настоящий вход, через который сюда попали наши безвольные тушки.

Я без особых приглашений присоединился к раскачиванию штурвала, но тот держался намертво. Застарелая ржавчина работала не хуже сварки. Целую минуту мы безуспешно дёргали колесо, пока Саша не хлопнул себя грязной рукой по лбу и не вытащил из разгрузки баллончик с универсальной смазкой бренда «WD-40». Тот самый, сине-жёлтый, который знаком многим автолюбителям. Даже я при всей своей отстранённости от технической составляющей гонок знаком с ним не понаслышке.

Вот что значит запас карман не тянет! Конечно, сейчас куда больше пригодился бы газовый резак или, на худой конец, болгарка, но и так совсем неплохо. Саша тщательно пропшикал все стыки, куда смог дотянуться пластиковой соломинкой, после чего нам осталось только ждать. Ну и ещё отвечать на вопросы недоумевающих Ксандиновых, которые тоже притащились к двери.

Костику по-прежнему было хреново, а вот его сестрёнка едва не выклевала нам мозги, спрашивая одно и то же по десятку раз. Не иначе клаустрофобия прорезалась.

– Мы знаем не больше твоего! – под конец не выдержал я словесного поноса. – Если хочешь отсюда выбраться, то лучше помолись, чтобы смазка смогла одолеть коррозию. Иначе мы тут можем задохнуться.

Зря это сказал, признаю. Девушка с выпученными глазами тотчас вцепилась в штурвал и принялась его судорожно дёргать. И, как ни странно, у неё это получилось лучше, чем у нас, – колесо со скрипом чуть провернулось, буквально на несколько градусов.

– Пошло! – радостно завопил Саша. – А ну, давайте все разом. На счёт три!

Несмотря на то что ржавчина потеряла хватку, так просто выпускать нас она не собиралась. Нам втроём пришлось пыхтеть ещё минут десять, пытаясь сделать один полный оборот. Постоянно приходилось откручивать обратно, чтобы набрать разгон и дать смазке разойтись по большей площади. Наверняка в тот миг где-то в далёкой Калифорнии не раз икнул создатель или хотя бы экспортёр этой замечательной чудо-жидкости.

А второго поворота и вовсе понадобилось. Механизм окончательно пришёл в себя, и нам удалось немного отжать толстую створку от косяка. Поначалу в узкую щель не помещался даже палец, но оттуда внутрь ворвался свежий морской воздух с привкусом соли, моментально придавший нам сил. Где-то снаружи отчётливо шумели волны, так что свобода оказалась на расстоянии вытянутой руки.

Саша смог дотянуться раструбом до петель и обильно окропить их смазкой. Теперь ждать стало не так тягомотно, хотя связь по-прежнему отказывалась ловиться. Видимо, нужно всё же выбраться на свежий воздух. Остальные гаджеты тоже выразили всеобщую солидарность с моими, хотя модели у ребят были куда проще.

– Может, это старый корабль? – предположила Мария, не отлипающая от щели.

– Очень маловероятно, – возразил сидящий на полу Костик. – Крена не чувствуется. И техника какая-то непонятная…

– Алтарь свой видел? – спросил я в лоб.

– Здесь?!

– А где же ещё, – пожал я плечами. – Почти такой же, как в пещере, только пиктограммы другие.

– Я должен посмотреть! – встрепенулся парень. – Где он?

– Остынь, – осадил его Саша. – Сначала дверь отожмём. Навались!

И снова слаженная работа принесла свои плоды. С диким скрипом створка стала потихоньку поддаваться, увеличивая просвет. Правда, снаружи было сумрачно, но нас это нисколько не смущало. Мы продолжили толкать дверь вперёд изо всех сил, упираясь в пол ногами, пока её снова наглухо не заклинило. Но это было уже неважно, так как расширившаяся щель позволяла кое-как протиснуться наружу.

Правда, нам пришлось снять верхнюю одежду вместе с касками, после чего выталкивать друг друга по одному. Саша пошёл последним, передав нам драгоценную разгрузку. Никто не стал с этим спорить – впереди ждала неопределённость, а в жилетке хранилось множество полезных вещей.

В конце концов наша уставшая, но воодушевлённая четвёрка оказалась в коротеньком полутёмном коридоре, который оканчивался огороженным балкончиком. Некоторые поручни настолько проржавели, что согнулись под собственным весом, так что никакого желания подходить к самому краю у меня не возникло. Чуть дальше, насколько хватало глаз, лениво плескались волны, посеребрённые ярким лунным светом.

Надо же, пока мы тут сражались с дверью, уже ночь успела наступить.

Подсвечивая себе под ноги фонариками, мы осторожно преодолели скрипевший на все лады коридор и вышли на площадку. Балкончик на самом деле оказался пандусом, который шёл по периметру всей постройки, откуда мы только что выбрались. До поверхности воды отсюда было навскидку метров шесть, а сквозь прорехи в настиле виднелись уходящие вниз опоры. О них и бились волны, порождая шум.

Нет, это точно не корабль, а какая-то платформа. Скорее всего, старенькая нефтяная вышка, однако откуда ей взяться в Чёрном море?

Мои мечты поймать связь так и остались несбывшимися, а затем Саша, который бесстрашно продвинулся по пандусу до самого угла, громко выругался вслух. В его голосе сквозило столько удивления вперемешку с безнадёгой, что я немедленно отвлёкся от девайсов и поспешил к нему. Вот уж действительно, пятьдесят оттенков русского мата. Работник заповедника прежде не позволял себе подобного при нас, а значит, ситуация была из ряда вон.

Уже через несколько шагов я во всех смыслах присоединился к задравшему голову Саше, нисколько не стесняясь присутствующей здесь дамы. Да и она сама особо не сдерживалась в выражениях, когда подошла к нам. Один лишь Костик хранил глубокомысленное молчание, разглядывая ночной небосклон, на котором сияли сразу две луны…

Глава 3

Теперь многое встало на свои места, и вместе с этим вопросов только прибавилось.

А луны продолжали ярко сиять на небосводе и никуда пропадать не собирались.

Первое из небесных тел занимало едва ли не десятую часть небосклона, из-за чего даже невооружённым взглядом был чётко виден мельчайший рельеф континентов и тёмных океанов. Такое не в каждом планетарии увидишь! Казалось, что этот шар вот-вот рухнет прямо нам на головы.

Второй спутник, пепельно-серого цвета, был гораздо меньше и вполне годился на звание Луны. Судя по местоположению, он как раз вращался вокруг гиганта, хотя сам по размерам едва ли не вдвое превосходил Луну земную.

Да, именно так… Земная. Непривычное слово, но оно всё чаще проскакивало у меня в голове. Увы, о нашей родной планете отныне приходилось думать лишь в прошедшем времени.

Потому что мы находились где угодно, кроме Земли.

Нужно отдать должное этому миру за честность – он не стал изображать из себя нечто привычное и с размаху припечатал нас тем, что ждать помощи не стоит. Всё, конечная остановка. Гаджеты не поймают сигнал, и даже мой личный маячок, вшитый в одежду, превратился в бесполезную микросхему. Как и платиновая банковская карта.

Шок от осознания полной безысходности все переживали по-разному. Саша матерился на чём свет стоит, поминая добрым словом руководство заповедника и всех причастных к злосчастной поездке в пещеру. В том числе и нас. Мария билась в едва контролируемой истерике, а Константин изо всех сил пытался успокоить сестру, не затыкаясь при этом ни на секунду. Но девушка была сейчас не в состоянии воспринимать его словесный понос, к тому же перенасыщенный всякими научными терминами.

Я же молчал, с удивлением прислушиваясь к самому себе. Поначалу меня тоже колотило, но одновременно с этим где-то внутри начало расти щемящее чувство, которое грубо вытеснило, казалось бы, навечно там поселившуюся тоску и уныние. Подобное случалось со мной всё реже, чаще всего на трассе при дикой скорости, когда адреналин буквально кипит в крови.

Наверное, я больной на голову.

Ведь ничего хорошего нас точно здесь не ждёт. Я не настолько наивен. Это не кино со счастливым концом, а мы – не профессиональные покорители космоса. У нас нет ни припасов, которые остались в машине, ни навыков для элементарного выживания. Даже нашего опытного проводника вряд ли готовили к условиям чужой планеты.

Для истерики имелись все поводы, но я не ощущал в себе ни единого позыва побиться головой о ржавые стены, как ни странно. Наоборот, думалось как никогда чётко. А вот Машины горестные завывания всё больше раздражали.

– Саш, у тебя там нашатыря, случайно, не найдётся? – поинтересовался я, кивнув на его волшебную разгрузку, валяющуюся у входа.

– А? Чего?

Сотрудник заповедника непонимающе уставился на меня, прервав очередную гневную тираду на полуслове. Но уже в следующую секунду он выстроил нужную логическую цепочку и отрицательно покачал головой:

– Есть, но лучше не надо.

И действительно, Маша вскоре чуть поуспокоилась и лишь давилась тихими всхлипами. Брат неловко гладил её по голове, продолжая что-то приговаривать вполголоса. Ей бы поспать немного, да вот беда – тут нет кроватей. И много чего ещё.

Пандус опоясывал сооружение по всему периметру, поэтому у нас имелся шикарный обзор. Со всех сторон платформу окружала вода, но, к нашему громадному облегчению, неподалёку отчётливо темнел берег. Весь из себя загадочный – без единого огонька и прочих намёков на цивилизацию. Спасибо ярким местным лунам, рассеивающим ночную тьму, иначе разглядеть его не получилось бы при всём желании.

После этого открытия стало уже не так тоскливо. По крайней мере, мы не торчали одиноким буйком где-то посреди моря.

Раньше платформ здесь однозначно стояло куда больше, но остальные пережили отсутствие техподдержки ещё хуже, чем наша. На это намекали выглядывающие из-под воды колонны, точно такие же, как те, что подпирали наш сарайчик. На некоторых виднелись остатки креплений и даже стен, а вот всё остальное отправилось прямиком на дно. И вовсе не факт, что вскоре подобная участь не ждёт нас самих. Листы обшивки жалобно скрипели от каждого движения, так что впредь следовало двигаться вдвойне осторожней и лишний раз не испытывать конструкцию на прочность.

Тем временем Маша окончательно успокоилась, уставившись невидящим взором в перемигивающиеся звезды. Я ни разу не астроном, но далёкие светила выглядели не вполне привычно. И дело даже не в отсутствии Млечного Пути или пресловутого созвездия Большой Медведицы. Звезд было заметно меньше, чем на Земле, зато некоторые по яркости запросто уделывали тот же Сириус, отчего казались бортовыми огнями лайнеров. А однажды небосклон стремительно прочертила ярко-оранжевая точка, стремительно уйдя за горизонт.

– Метеор? – предположил вслух Константин, проводив её взглядом.

– Не о том думаешь, – укорил я его. – Хотелось бы услышать экспертное мнение, как мы тут очутились.

Парень в ответ лишь обречённо махнул рукой:

– Да какой из меня эксперт!

– Поверь, нам сейчас даже зародыш академика сгодится. Излагай, не стесняйся.

– Ну… Скорее всего, мы активировали древнюю технологию типа телепорта, – осторожно начал Костик. – Звучит невероятно, но ты сам видишь, что это уже не Земля, а совершенно другая планета. Скорее даже спутник, а сама планета – вон там, над нами. Я видел снимки с Луны, и тамошний пейзаж уж очень похож… Только здесь есть атмосфера, причём годная для дыхания. Мы не умерли от асфиксии, нам не разорвало сосуды от перепада давления – всё это говорит о том, что раньше таким образом перемещались именно люди. Такие же, как и мы.

– Космические путешественники, мать их за ногу… – недобро пробормотал Саша.

– На барельефах были не только человеческие фигурки, – припомнил я. – Хотя это неважно. Нам нужно поскорее вернуться, пока этот ржавый памятник коммунизму не развалился окончательно.

– Алекс, ты говорил, что нашёл здесь точно такой же алтарь?

– Почти, только без диска.

– Это плохо. Думаю, он является активатором. Пещеру посетило множество людей, но почему-то перенесло именно нас.

– А может, здесь есть другой диск? – с надеждой предположила Маша. – Для обратной дороги?

– Нужно проверить.

– Возвращаемся все, – решительно приказал Саша. – Мало ли как тут всё работает.

– Только дверь не закрывайте! – спохватилась девушка, резко затормозив.

– Переход сработал в открытой пещере, – заметил Костик, увлекая её за собой. – Так что она вряд ли на что-то будет влиять.

Мы осторожно покинули скрипучий пандус и через приоткрытую створку протиснулись обратно. Шлифованный булыжник никуда не делся, приковав к себе внимание всей нашей группы. Каждый по очереди прикоснулся к тёплому камню, но никакого эффекта это не дало. Костик сравнил орнамент со снимками в телефоне сестры и пришёл к выводу, что они очень схожи, хотя есть ряд небольших отличий в переплетении выступов и бороздочек.

Принесло ли это какую-то существенную пользу? Отнюдь. Как и двухчасовые поиски по всему помещению. Мы проверили каждый квадратный сантиметр, заглянули во все углы и даже вовнутрь рассыпавшихся приборов. Тщетно. Единственным намёком на существование диска оставалось кольцевое углубление на втором алтаре. Так и хотелось добавить «Чтоб он провалился!», но сейчас с такими словами лучше даже не шутить.

Жаль, что здесь нельзя позвонить и заказать этот самый диск с доставкой. Никаких бы денег не пожалел…

Телефоны пришлось выключить, чтобы сберечь заряды батарей, а вот китайских диодных фонариков должно было хватить на несколько дней. Только вот продержимся ли мы сами столько? Меня на этот счёт терзали сомнения.

Из съедобного у нас имелось несколько шоколадных батончиков и пригоршня таблеток, что периодически должен был глотать Костик. С водой обстояло ещё хуже: её попросту не было, все бутылки остались в машине. Да, фактически нас окружало море, но даже на Земле подавляющее большинство акваторий категорически не годится для питья. Солёные разводы были прекрасно видны на тёмном металле, так что сильно на этот счёт обольщаться не стоило.

Хреновые из нас, одним словом, получились космические Робинзоны.

Рассвет мы встретили в расстроенных чувствах – грязные, уставшие и подавленные. Саша жёстко распределил мизерные запасы еды, поэтому завтрака так и не случилось. Проводнику всё больше нравилось примерять на себя роль лидера, но пока призрачная аура социального статуса ещё продолжала действовать. Когда она окончательно истончится и лопнет, мы из

дорогих нанимателей моментально превратимся в простую обузу. Лишние рты, от которых лучше избавиться.

Пусть мой жизненный опыт был довольно скромным, я прекрасно знал, как быстро с людей слетает налёт цивилизации, когда дело принимает скверный оборот. Убить ближнего своего, чтобы выжить? Да запросто!

На поясе у работника болтался внушительный нож, так что спорить с ним особо не хотелось. В заповеднике он наверняка не раз применял его по назначению, а вот мы с Костиком могли разве что с успехом порезать только самих себя. Видал я однажды, как егеря свежуют застреленного на охоте оленя. Зрелище неприятное, но очень поучительное в плане сноровки. Сам я особого смысла в отстреле диких животных не видел, но дружки периодически таскали меня на всяческие сафари. Так что вполне представлял, что нас может ожидать.

Из нашей тройки неумех единственный человек, который имеет шанс не пойти под нож, – это Мария, которую теперь всё сильней хотелось называть Машей. И то её выживание под большим вопросом. Всё будет зависеть от того, как быстро мы сможем найти нормальную воду, а в идеале еду. Если и того, и другого будет предостаточно, то и мы с Костиком можем какое-то время чувствовать себя в безопасности.

Такие вот невесёлые размышления. И всё равно паника никак не хотела мной овладевать, хотя вроде бы уже самое время.

Пусть утро началось не с кофе, я всё равно был ему рад. Местное светило, взошедшее со стороны морской глади, на мой непрофессиональный взгляд, особо ничем от земного Солнца не отличалось. Такое же круглое и яркое. Некоторое время мы подслеповато щурились на него, пытаясь найти различия, пока в глазах не стали плясать солнечные зайчики. Вокруг стало гораздо теплее, а вот луны никуда не делись, хотя и потеряли в яркости.

Различия всё же обнаружились, хоть и не столь ощутимые. Взглянув на свою одежду, я заметил, что она приобрела чуть иной оттенок. Куда-то больше в красноту. Да и остальные, кроме дальтоника Кости, тоже это подтвердили. Конечно, цвета не поменялись кардинально, как в некоторых ночных клубах с кислотным освещением, но разница чувствовалась. Здесь всё было… чуть более резкое и контрастное, что ли?

Чужое небо оказалось вполне голубым, с редкими белыми облачками. А главное – в нём появились птицы, которые беззаботно кружили в воздухе. Мы все дружно выдохнули от такого зрелища, а Мария даже всплакнула от переизбытка чувств.

Итак, на этой планете (или спутнике, не суть важно) до сих пор существовала жизнь. Я не орнитолог, поэтому не нашёл у пернатых никаких важных отличий от земных собратьев. Высота не давала рассмотреть их повнимательнее, но у запасливого Саши нашлась при себе простенькая оптика в виде прорезиненного монокуляра. Эдакий прицел в футляре, только без ружья в комплекте. Работник заповедника некоторое время разглядывал летунов, после чего вынес вердикт:

– Точно не наши птахи, но очень похожи.

Уж к его мнению стоило прислушаться. Никто из нас троих вряд ли смог бы отличить орла от ястреба.

Куда больше времени Саша посвятил изучению видневшегося впереди скалистого берега. При одном лишь взгляде на него мне почему-то сразу же вспомнился Крит с его ребристыми молочно-бежевыми скалами. Только здесь узкие песчаные пляжи были ярко-оранжевого цвета. И ни малейших признаков цивилизации, насколько хватало взгляда.

Даже оптика здесь оказалась бессильна. Берег выглядел диким и необжитым – вытянутые песчаные языки между скалами окаймляла тёмная полоса всяческого мусора, принесённого волнами. И не единого буйка в воде.

А пока мы с Сашей пялились в сторону суши, Костик при помощи сестры обследовал платформу снаружи. Ксандиновы нашли остатки лестницы, ведущей на крышу, а также обнаружили странные наросты на колоннах. При ближайшем рассмотрении они оказались колониями ракушек, примерно с ладонь взрослого человека. Ловкому проводнику удалось дотянуться до ближайшей грозди через дыру в настиле и добыть несколько экземпляров. Пока мы восхищённо крутили раковины в руках, приглядываясь к диковинному рисунку роговых пластин, он достал нож и бесцеремонно вскрыл одну из них. Внутри оказался живой моллюск персикового цвета.

– Прямо как наша черноморская мидия, – принюхавшись, заметил Костик. – Один в один!

Ну да, благородной устрицей тут и близко не пахло. Но находка всё равно укрепила во мне надежду, что не так уж всё и плохо. Только как понять съедобность содержимого без риска отравления? В том, что Саша сможет её как-нибудь приготовить при помощи своей чудо-жилетки, я не сомневался.

На остальных опорах, кстати, тоже обнаружились гроздья подсохших на солнце ракушек, натолкнувшие меня на очевидную мысль:

– Интересно, а как тут обстоит дело с приливом?

– Ой!

Костик задрал лицо к небу, где по-прежнему висели небесные тела, хоть и сильно поблекшие. Следом за ними побледнел и сам парень.

– Что, приступ?! – подскочила к нему сестра.

– Алекс прав… – прошептал он, едва шевеля губами.

– Да в чём?

– Высота, – ответил за парня нахмурившийся Саша. – Ещё недавно опоры были под водой, а сейчас её уровень опускается.

– Я в курсе насчёт отлива. Что не так?

– Такие крупные луны должны порождать просто гигантский перепад. Несколько десятков метров, а может, и больше.

– Поэтому здесь такая дверь, словно на подлодке, – добавил я. – Во время прилива это всё окажется под водой.

До девушки наконец дошло, и она снова начала колотиться в истерике.

– Нужно убираться отсюда, – решительно высказался Саша. – И как можно скорее.

– Я не умею плавать, – развёл руками Костик.

– У меня с этим тоже проблемы, сорян, – соврал я, не моргнув глазом.

– Да что ж вы такие бесполезные, вашу мать!

Проводник присовокупил ещё несколько эпитетов посерьёзнее, после чего принялся взбираться на крышу по остаткам лестницы. Ступеньки там чаще всего отсутствовали, но крепления всё ещё держались. Саша предварительно проверял каждый выступ на прочность, а уже потом использовал его в качестве опоры. Подъём занял минут пять, и примерно столько же ушло на обзор окрестностей.

Спускался он уже с чётким планом, которым тут же поделился с нами:

– Так, я поплыву к берегу. Там есть сплавни среди прибойного мусора.

– Что-что? – не понял Костик.

– Древесина, которую волнами обточило, – теряя терпение, объяснил Саша. – Попробую из этих кусков сварганить нечто вроде плота.

– Отличная идея! – воодушевилась Маша, но тут же сникла. – Получается, мы бросим это место, да?

– Оно никуда не денется. Запрём обратно двери и вернёмся, когда разыщем проклятый круг.

– Если разыщем, – поправил его я.

– Этой штукой регулярно пользовались раньше, – отрубил проводник. – Ей не четыре тысячи лет, иначе тут давно бы всё сгнило. Так что засунь свой пессимизм куда поглубже!

Я решил не развивать конфликт на пустом месте и промолчал. Кто знает, вдруг сразу за ближайшими скалами обнаружится целый склад с дисками? И нам

больше не придется строить из себя Робинзонов.

– А на крыше было что-то интересное? – поинтересовался любопытный Костя.

– Только надстройки из тёмных пластин. Вроде наших солнечных батарей.

– Рабочие?

– Да хрен его знает. Но раз нас именно сюда перенесло, значит всё здесь ещё как-то функционирует. Ладно, чего рассусоливать, я поплыл.

Саша сноровисто скинул с себя верхнюю одежду с обувью, позволив Маше оценить его поджарое и жилистое тело, сложил вещи в непромокаемый пакет цвета хаки и туда же закинул моток тонкой верёвки из разгрузки. Саму жилетку оставил нам как лишний груз. После чего осторожно спустился к воде прямо по одной из опор. Сразу нырять он благоразумно не стал, а сначала погрузил туда ноги.

– Нормально, тёплая!

После чего отпустил столб и поплыл, лихо загребая руками. Пакет держался на спине проводника при помощи специального шнурка и совершенно не мешал грести. Сразу видно – продуманные люди делали вещь.

Нам оставалось лишь наблюдать, как наш спаситель уверенно отдаляется от платформы. До высокого берега было примерно с полкилометра, так что заплыв не обещал быть особо продолжительным. Саша сразу взял курс на ближайший песчаный язык между скалами, постепенно сокращая расстояние.

– Интересно, а здесь есть… люди? – принялся размышлять вслух Костя. – Точнее, не так. Остались ли они? Почему всё это бросили?

– Намекаешь, что мы – потомки переселенцев с другой планеты? – усмехнулся я. – Генетики с тобой не согласятся.

– Тут всё как на Земле, Алекс! Вода, воздух и даже притяжение. Мне так же тяжело ходить, хотя для более точных измерений потребуется как минимум…

Я окончательно перестал вслушиваться в бормотание юного учёного, вернувшись к собственным размышлениям. И в отличие от наивного паренька они были куда практичнее. Как скоро Саше надоест возиться с нашей троицей и до него окончательно дойдёт, что он ничего нам не должен? И что будет потом?

О чём-то своём думала и Мария, присев рядышком на пандус и завороженно уставившись на искрящиеся волны. Местное светило, которое постоянно хотелось назвать Солнцем, поднималось всё выше и начинало откровенно припекать. Неудивительно, что это море так сильно напоминает Средиземное. Будь тут широта Заполярья и ледяная вода, доплыть до берега получилось бы исключительно верхом на льдине.

Интересно, что же нас ждёт? Насколько сильно этот мир похож на наш, земной? Впервые за долгое время мне было действительно не наплевать на то, что творится вокруг. Хандра развеялась утренней дымкой, а впереди маячили приключения. Самые настоящие, а не купленные по прейскуранту. Это будоражило кровь и заставляло вдыхать морской воздух полной грудью. Будто я снова в безоблачное детство впал.

Ксандиновы наверняка испытывали что-то похожее, не сводя глаз с одинокого пловца, всё больше отдалявшегося от платформы.

А вот к чему наша троица мечтателей оказалась совершенно не готова, так это к тому, что возле Саши прямо из воды резко вынырнет нечто гибкое и блестящее, вроде гигантского морского угря или мурены. На таком расстоянии оценить габариты существа было невозможно, однако плывущий человек на его фоне выглядел раз в пять меньше.

От неожиданности Маша взвизгнула мне в ухо так сильно, что внутри моего несчастного черепа загуляло настоящее эхо. Хотя даже такая мощная звуковая атака не помешала мне расслышать громоподобный всплеск воды. Будто какой-то придурок с помощью взрывчатки решил оглушить всю окрестную рыбу. В том месте, где только что находился работник заповедника, поднялся высоченный фонтан брызг, весело сверкающих в солнечных лучах. А когда всё улеглось, на поверхности воды уже никого не было.

Только расходящиеся кругами волны напоминали о том, что нас только что стало на одного меньше.

Глава 4

– Чтоб ты подавилось, долбаное лох-несское чудовище! Тьфу…

Мой плевок рассерженно зашипел на пандусе, полностью передавая моё настроение. Светило почти достигло зенита, нагнав такую жару, что нагретый металл оставлял ожоги на коже при неосторожном прикосновении. Долго на таком солнцепёке находиться нельзя – того и гляди отхватишь тепловой удар по голове. Но я всё равно периодически выползал из нашего душного убежища, чтобы замерить уровень отдаляющейся воды. Да и вообще оглядеться.

Отлив всё ещё продолжался, но уже не столь интенсивно, как вначале. Примерно полметра за час. Обнажались всё более глубокие наслоения на опорных колоннах, да и только. Глубина под нами всё равно оставалась приличная.

Следовало признать, что дойти пешком по дну не выйдет. А плыть по мелководью не хотелось категорически. Саша на своём личном примере показал, что это крайне вредно для здоровья. Даже если мы рванём втроём наудачу, подводное чудище спокойно нас переловит. Это его родная стихия, мы же в ней – беспомощные чужаки.

Надеяться на то, что монстр уплыл восвояси, ещё глупее. Хищники так не поступают, они всегда кружат неподалёку от потенциальных жертв. Вряд ли такая многометровая дура наелась одним лишь человеком. А если их здесь целая стая обитает, тогда вообще тушите свет, включайте музыку. В нашем случае отлично подойдёт марш Шопена.

Да, этот мир обитаем, но мы оказались совсем не на вершине местной пищевой цепочки, а скатились куда-то к её подножию. Обидно…

Голову припекало всё сильней, вынудив меня вернуться в наш уютный склеп. Хотя он всё больше напоминал работающий духовой шкаф, но там хотя бы царил сумрак. Остальные отсюда и вовсе не выходили. Костика разморило от жары, а его сестра чудесным образом излечилась от клаустрофобии, но взамен

подхватила водобоязнь. Называть её Марией у меня уже не получалось даже при всём желании. Образ гордой и неприступной воительницы окончательно развеялся – передо мной была обычная перепуганная девица, трясущаяся от каждого подозрительного шороха.

Сплошное разочарование.

А вот её брат вызывал куда больше положительных эмоций. Он хоть и пребывал в полуобморочном состоянии, всё равно продолжал генерировать идеи. Большинство из них оказались чистым бредом, но некоторые всё же имели рациональное зерно.

Когда юный учёный обжёг руку, по неосторожности облокотившись на внешнюю обшивку сарая, его внезапно осенило. Раз уж мы оказались на раскалённой сковороде, так почему бы не использовать её по назначению? В итоге все добытые Сашей ракушки сейчас пропекались на солнечном месте, раскрытые при помощи подручных средств. Вроде бы их похожим образом готовили в древности, без использования огня.

И нужно сказать, что на раскалённом настиле пандуса мидии действительно начали потихоньку шкварчать, словно на сковороде шеф-повара. Пахли они по-прежнему так себе, но из специй у нас имелась лишь морская соль, соскобленная по углам.

Лично мне было решительно плевать на возможное пищевое отравление. А если ракушки окажутся ядовитыми… Так даже лучше, не будем долго мучиться. Мы всё равно обречены, и весь вопрос заключается в том, что именно прикончит нас первым. Прилив? Выползший из морских пучин монстр? Или же банальное обезвоживание?

На такой дикой жаре, сравнимой с пресловутой сауной, немудрено свариться в собственном соку. Жажда мучила ещё сильнее голода, и все мысли невольно крутились лишь вокруг живительной влаги. Смотреть на море было воистину невыносимо – это ведь тоже вода, хоть и не годящаяся для питья. Однако очередные наблюдения за лениво перекатывающимися волнами в поисках проклятой Несси натолкнули меня на любопытную мысль.

Если у нас тут получилось подобие полевой кухни, то почему бы не пойти дальше и не сварганить простенький опреснитель?

Мой любимый девиз: «Вижу цель, не вижу препятствий». В кои-то веки огромный ворох всяческой бесполезной информации в голове пригодился для чего-то дельного. Так что обратно я вернулся практически с готовым планом. Осталось только найти во всём этом хламе подходящие материалы.

Мои активные раскопки привлекли внимание апатичных Ксандиновых, которые последние часы предпочитали многозначительно молчать. Даже Костик сдулся и уже не фонтанировал идеями, как построить лодку из остатков аппаратуры.

– Что ты ищешь? – вяло спросил парень.

– В идеале стекло или зеркало. Не попадалось?

– Да вроде нет…

– Полюбоваться на себя решил? – горько усмехнулась Маша.

– Ага, а то, боюсь, укладка растрепалась, – пробормотал я, продолжая перебирать ржавый хлам.

– Это ведь из-за тебя мы здесь застряли, – продолжила девица с истеричными нотками в голосе. – Это ты виноват…

– Маш, ерунду не неси! – вступился за меня Костя. – Мы все в равной степени несём ответственность за случившееся. В том числе и ты. Никто из нас не знал о последствиях, поэтому обвинять кого-то одного глупо.

– Если бы он не добыл где-то настоящий диск, ничего бы…

– Ну простите меня, сударыня, нижайший вам поклон! Просто я не привык что-то делать вполсилы. Мне очень нужно было вас трахнуть, поэтому пришлось пойти на выкуп исторической ценности. Каюсь.

– Что-о-о?!

От переизбытка чувств она даже покинула облюбованный угол, куда забилась ещё утром.

– Что слышала, – продолжил я изливать душу. – Мы с приятелями на тебя поспорили. Точнее, на твою девственную плеву. А для меня было принципиально победить в этом пари, вот я и дал маху. Так что да, полностью признаю свою вину. Ну что, тебе полегчало?

И тут девушку прорвало, разом смыв с неё весь благородный лоск. За пару минут я услышал о себе много всего разного, в том числе пожелание скорейшей смерти. В какой-то момент показалось, что Маша вот-вот на меня бросится, но тут её снова начали душить рыдания, и она ограничилась лишь броском какой-то непонятной детали. Даже не попала.

– Это тебя должны были сожрать, а не Сашу! – яростно прошипела она сквозь всхлипы.

– Догадайся он сбросить кого-нибудь из нас для проверки, то да. Сейчас бы переваривался не он.

– Саша никогда бы так не сделал! Это ты беспринципный ублюдок, мразь!

– Будь я таким в действительности, вы бы сейчас оба отправились на прикормку. Глядишь, и успел бы доплыть до берега, пока вас жрали бы.

– Урод, даже не вздумай ко мне подходить!

Маша схватила какую-то угловатую железку и выставила перед собой на манер ножа. Я лишь пожал плечами, продолжая перебирать здешний мусор. Вот до чего докатился… Как назло, подходящей стекляшки не нашлось, и только под конец повезло наткнуться на отполированную пластину из ярко-оранжевого сплава, размером чуть больше квадратного метра. Кроме вездесущей пыли, на ней не оказалось ни капли ржавчины, что намекало на благородное происхождение. Хотя золото там если и присутствовало, то исключительно в «цыганской» пропорции.

Стоило протереть пластину и поднести к выходу, как на ней тут же отразилась моя довольная физиономия, почти без искажений. А по потолку весело заплясали солнечные зайчики. Красота, как ни крути. Но наружу тащить драгоценный лом пока было рановато – требовалось ещё найти какую-нибудь ёмкость. Чем вместительней, тем лучше.

Так как пожарный щит здесь отсутствовал напрочь, поиски безбожно затянулись. В итоге я остановился на чехле какого-то небольшого приборчика, имевшего пару отверстий по бокам, предназначенных для сторонних креплений. Большинство моих приятелей обязательно обозвали бы их «дырками», но на самом деле дырявыми были только их собственные головы.

Дно у прибора вывалилось без посторонней помощи, вместе со всей внутренней начинкой, и мне осталось лишь продеть один из оторванных кабелей в импровизированные дужки. Спасибо запасливому Саше и его чудо-жилетке, где нашлись отличные плоскогубцы. Правда, мастер-ремесленник из меня вышел тот ещё – я пару раз прищемил себе пальцы и едва не проколол ладонь, пока крафтил банальное ведро.

Зато, когда кривоватая поделка была закончена, моей гордости не было предела!

Весьма недурно для того, кому с детства прививали презрение к ручному труду. А мне, наоборот, это дело всегда нравилось – я даже на курсы скульптурной лепки ходил. Пока меня не затянуло обратно в тусовочный движняк.

Можно было использовать на крайний случай и строительную каску, но на её счёт у меня имелись отдельные планы. Тем более что полезный объём у неё едва ли не втрое меньше. Так что оставил как запасной план.

Ксандиновы следили за мной во все глаза, хотя старательно делали вид, что смертельно обиделись. Мне же от этого стало только лучше – никто не отвлекал тупыми вопросами. Даже когда я провел полевые испытания получившейся конструкции, нагрузив чехол всякой мелкой ерундой, подобранной с пола. Вроде бы всё держало, хотя в корпусе имелась пара мелких трещин. Они могли дать несвоевременную течь, поэтому я законопатил их при помощи изоленты.

Выглядела поделка курам на смех, но меня всё равно переполняла радость. Не такой уж я и бесполезный…

Куда сложнее оказалось сплести трос подходящей для задумки длины, хотя недостатка в кабелях не имелось. Просто некоторые были слишком толстые, отчего едва гнулись, а другие, наоборот, тонковаты. Да и курочить тут что-то сверх меры категорически не хотелось. Поэтому я не стал трогать те провода, которые проходили поблизости от алтаря. Остальные безжалостно перекусывал, постепенно сплетая в единый канат. Длина требовалась колоссальная – не меньше пятнадцати метров. С запасом выходило что-то около двадцати.

На все приготовления ушло чуть больше часа. А последним штрихом стала защита для моих многострадальных рук. Почти вся изоляция моментально рассыпалась от любого неосторожного движения, и об голую оплётку можно было запросто ободрать всю кожу. Перчаток в жилетке не обнаружилось, тратить единственный бинт было нецелесообразно, поэтому я располосовал собственную брендовую рубашку, надетую поверх майки. Всё равно здесь жарко, как в аду, а куртку без ножа не стоило даже трогать.

По итогу вместо рабочих перчаток у меня получились неуклюжие варежки. Но главное, что канат в них не скользил и не царапался, а на эстетику сейчас мне было глубоко плевать.

Настало время финальных испытаний. И тут же выяснилось, что без посторонней помощи мне, увы, не справиться даже с транспортировкой бухты. Слишком она получилась тяжёлой и неудобной. Это ведь не моток верёвки для скалолазания.

– Ну что, тунеядцы, готовы немного поработать?

– Пошёл в задницу! – донеслось в ответ.

– Так я уже на месте, рапортую об успешном прибытии.

– Иди и повесься на этой хрени. – Маша обвиняющее указала на канат. – А ещё лучше спрыгни вниз, пусть тебя тоже сожрут!

– Увы, у меня другие планы. Ты пить хочешь? Или, может, братца напоить?

Девушка уже собиралась что-то возразить, но резко осеклась при упоминании Кости. Парень действительно выглядел неважно, с трудом вдыхая раскалённый воздух. Того и гляди в обморок хлопнется.

– Как это тебе поможет, урод?

– Сама увидишь. Да не бойся ты, я не собираюсь рыбачить на живца.

– А не боишься, что я тебя сама столкну вниз?

– Может, оно и к лучшему, – философски пожал я плечами. – Не буду долго и мучительно страдать перед смертью. В отличие от вас двоих.

– Да будь ты проклят! Ладно, что нужно делать?

– Для начала берись с того конца и помоги вытащить трос наружу.

Стоило только высунуться из сарая, как я на собственной шкуре ощутил всю прелесть солнечного давления. Лишь благодаря слабенькому морскому бризу мы не расплавились, как сырные шарики. Ветер обдувал нас со всех сторон, отгоняя неминуемый тепловой удар.

Несмотря на обезвоживание, силы у спортсменки ещё остались, и мы вдвоём быстренько доволокли бухту до края пандуса. Я нарочно не стал приближаться к проломам, чтобы от нашего общего веса ненароком не провалиться. А там хотя бы поручни имелись, пусть и проржавевшие. Мы примотали трос к самому крепкому на вид, после чего сбросили ведро вниз. Маша послушно исполняла все поручения, хотя по-прежнему не могла уловить их смысл.

– Ты собираешься напиться морской водой?

– В каком-то смысле да. Только без соли и прочих нежелательных добавок.

Дальше мне стало совсем не до разговоров, так как пришлось поднимать набравшуюся ёмкость почти на высоту пятиэтажного дома. В теории это выглядело не так уж и тяжело, но чёртов канат весил целую тонну, и без посторонней помощи я бы точно надорвал себе спину.

Маша тоже участвовала в процессе, используя свою курточку для защиты рук. По-хорошему, нам нужна была хотя бы простейшая лебёдка, да только где её взять? Приходилось натурально бурлачить ради нескольких жалких литров. А самое печальное, что большая часть воды нам никак не пригодится.

Но об этом девушка узнала лишь в тот момент, когда я выплеснул ведро прямо нам под ноги, предварительно вручив ей драгоценный прямоугольник отражателя. Как и ожидалось, при контакте с раскалённым металлом вода моментально зашипела и выпустила целое облако пара. Часть его унёс вездесущий ветер, а остальное осело на шлифованной пластине в виде маленьких мутных капелек конденсата. Осталось чуть наклонить уловитель, чтобы они тоненьким ручейком стекли в перевёрнутую каску. Посуды у нас всё равно не было, так что пришлось использовать её в качестве миски.

Вот кто после этого усомнится в моей гениальности? Правильно, никто.

Удивлению Маши не было предела, хотя наш КПД, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Из целого ведра морской воды выпарилось всего на один глоток, но это была однозначная победа. Теперь оставалось усовершенствовать технологию, чтобы мы в процессе добычи теряли меньше влаги, чем её добывали.

Стоило отпоить сомлевшего Костика, как он тут же смастерил парочку простеньких блоков из электрических катушек. Перекинутый через них трос тянуть было в разы проще, а после смазки всей конструкции из баллончика с подъёмом запросто справлялся даже один человек. Поэтому стало реально работать по очереди.

Также по указке юного учёного мы чуть изогнули пластину, чтобы увеличить процент сбора испарившейся жидкости. Обратную сторону для пущей теплоизоляции пришлось укутать верхней одеждой. А не то о конденсате можно было сразу забыть.

К вечеру мы все вымотались до предела, но зато в нашем распоряжении имелось аж полторы каски воды. До бутилированной «Восс» или «Фуджи» местной жидкости было откровенно далеко, но со своей задачей она вполне справлялась. К металлическому привкусу мы быстро привыкли, так что смерть от жажды нам больше не грозила.

Следующим этапом шла еда.

Мидии весь день принимали солнечные ванны, превратившись в светло-коричневые ломтики. Ни малейшего аппетита они не вызывали. Но голод одолевал всё сильнее, и я решился на экстремальную дегустацию. Что мне терять, в конце концов? Ксандиновы же предпочли остаться сторонними наблюдателями, хотя у обоих громко урчали животы. За время совместной работы они чуть поостыли, но я всё ещё ловил на себе косые взгляды. Обида не прошла, но затаилась до поры. Меня это более чем устраивало.

Мы не питали касательно друг друга никаких иллюзий, не клялись в вечной дружбе и прочих глупостях. Просто пытались выжить сообща. Типичный первобытнообщинный строй, где все взаимозависимы. Оставалось лишь надеяться, что мы не одичаем окончательно.

Если добытая вода не вызывала омерзения, то мидия откровенно разочаровала.

В какой-то старой книге мне однажды попалось любопытное выражение: «На вкус – как подошва сапога». Никогда не пробовал обувь на ужин, но по ощущениям моллюск от неё ушёл совсем недалеко. Мерзкий, жёсткий и солёный. Жевать его приходилось долго и усердно, до боли в челюстных мышцах. Поначалу меня едва не стошнило, но я вовремя догадался запить эту гадость тёплой водой. Стало чуть легче.

Мой изнеженный желудок воспринял новую пищу с недоумением, но к тому времени он уже был готов переваривать сам себя, так что сильно протестовать не стал. На пробу я сначала съел всего одну «стельку», а через два часа, когда местное светило окончательно закатилось за горизонт, заточил ещё четыре штуки. Заодно отметил при помощи смарт-браслета, что местные сутки не сильно отличаются от земных. Гигантские луны взошли далеко не сразу, позволив вдоволь налюбоваться звёздным небосклоном, чтобы отвлечься от лёгкой тошноты.

Красиво, чёрт тебя дери!

Совсем не те ощущения, как в те времена, когда я гулял бессонными ночами, пытаясь понять самого себя. Всё вокруг стало… острее, что ли? Будто раньше

меня окружал непроницаемый пузырь, который в одночасье лопнул. Не сказать, что мне нравилось жить в презервативе, но внезапная свобода заставляла сердце биться чаще.

Спал я крепко и без сновидений – сказалась крайняя усталость.

Утро встретило меня ломотой во всём теле и тухлой отрыжкой. Ксандиновы, решившиеся под конец разделить со мной трапезу, жаловались на те же симптомы. Но главное – мы были всё ещё живы. Это ли не достижение?

За ночь прилив окончательно закончился, и вода стала потихоньку подниматься. Вчера мы бездумно сожрали все добытые мидии, так что настало самое время натаскать новых. Я не обладал ловкостью нашего покойного проводника, поэтому собирать ракушки отправилась юная альпинистка. Причём безо всяких уговоров, на чистом энтузиазме. Уж очень ей хотелось утереть мне нос за вчерашнее.

Моё предложение смастерить для неё хоть какое-то подобие страховки было категорически отвергнуто и высмеяно.

– Уж как-нибудь сама справлюсь! – гордо заявила гречанка.

Даже рассудительный Костя не смог её переубедить. И поначалу дело шло очень даже неплохо. Пользуясь провалами в настиле, Маша спускалась к опорам, где беспощадно грабила морские колонии. Добыча складывалась в моё самодельное ведро и по мере заполнения затаскивалась наверх. Хоть в чём-то мне удалось навязать свою помощь.

Я приловчился вскрывать ракушки куском системной платы, а Костик раскладывал их неровными рядочками на солнечных местах. Мы сразу решили насушить побольше, чтобы иметь стратегический запас на случай нескорого отлива, а водой заняться ближе к полудню. И всё бы ничего, не переоцени Маша собственные силы.

В какой-то момент до нас донёсся пронзительный вскрик, отчего я едва не выронил раковину. Спустя секунду послышался громкий всплеск, который окончательно расставил всё по своим местам. В дыру я заглядывал уже чисто для галочки, чтобы окончательно убедиться в собственной правоте.

При всём уважении к морскому чудищу, взобраться по отвесным опорам у него бы вряд ли вышло. Как и выпрыгнуть из воды на такую высоту. Так что единственным правдоподобным вариантом оставался банальный срыв.

– Маша-а-а-а!!! – истошно завопил Костик, сунувшись в дыру.

– Стой, дебил!

Я успел схватить его за ремень в последнюю секунду, когда братец уже начал проваливаться всем своим неуклюжим телом. Он едва не утянул меня за собой, но разница в весе всё же была на моей стороне. Отшвырнув идиота в сторону, с трудом подавил желание добавить ему ускорения пинком ноги. Чтобы летел до самого сарая, не приземляясь.

Между тем внизу всплыла его ненаглядная сестрёнка с широко открытым ртом. Вполне здоровая, хоть и перепуганная до чёртиков. Значит, удачно упала, хотя удар об воду с такой высоты вполне мог её оглушить. Видал я придурков, которые прыгали со скал и вышек пьяными лягушатами, а потом тонули у всех на глазах. Страшный сон любого спасателя.

– Ну как водичка? – ехидно поинтересовался я, помахав ей рукой.

Хорошо, что у неё перехватило дыхание, иначе ответ мне бы не понравился. А потом до девушки дошёл весь ужас её положения, и она принялась судорожно взбираться на одну из опор, постоянно соскальзывая вниз.

Нет, так дело не пойдёт.

– Эй, Царевна-лягушка, слышишь меня?! – крикнул я, сложив ладони рупором. – Плыви к соседней, там ты не поднимешься. Алло, не туда!

– Тише, Алекс, – умоляюще прошептал Костя. – Ты можешь привлечь его…

– Не мешай, пожалуйста, – посоветовал я умнику. – Её вопли даже на берегу было слышно. А уж в воде – так тем более.

Остатки разума всё же вернулись в мокрую девичью голову, поэтому Маша послушно погребла к нужной колонне, откуда имелся выход на пандус. А чтобы ей легче было взбираться, я сбросил вниз канат с ведром. Вес даже такой худышки он бы не выдержал, но для подстраховки вполне сгодился.

Поначалу Маша панически ухватилась за трос двумя руками, едва не сдёрнув меня вниз по доброй семейной традиции, но после моих не совсем цензурных команд стала использовать его лишь в качестве дополнительной поддержки. На подъём ушло около десяти минут каторжного труда, и под конец мне отчётливо показалось, что в воде между опорами мелькнуло что-то тёмное. Но делиться своими наблюдениями я ни с кем благоразумно не стал. И так настроение у ребят ниже некуда.

Спасённая девушка представляла собой жалкое зрелище. Дрожащая и мокрая, она обессиленно плюхнулась на пандус, тяжело дыша. М-да, такое фото в «Инсту» не выложишь, сразу все фо?лловеры разбегутся.

Пока она обсыхала и приходила в себя, мы с Костиком закончили раскладывать пасьянс из ракушек и принялись таскать воду для дистилляции. Припекало всё сильнее, и ближайшие часы нужно было использовать по максимуму. А минут через двадцать я неожиданно услышал вымученное:

– С-спасибо…

– Смотрю, тебе полегчало? – ухмыльнулся я. – Тогда продолжим, а то деликатесы до вечера не испекутся.

– Что-о-о?!

Девушка снова принялась дрожать, несмотря на царившую в воздухе духоту.

– Продовольственный план сам себя не сделает, дорогая моя, – развёл я руками. – Так что бери трос – и вперёд, на сбор урожая.

– Нет! Я не полезу туда снова!

Если можно свернуть себе шею мотанием головы, то сейчас она была как никогда к этому близка. На тёмные глаза навернулись искренние слёзы, но разжалобить меня подобной ерундой у неё не вышло. Девочка ещё не поняла, с кем имеет дело.

– Сам туда ныряй, понял?!

– А ты меня вытащишь, если что? – задал я резонный вопрос. – Сама же убедилась, что без посторонней помощи обратно не залезть. Или бросишь меня на съедение? Тогда подумай хорошенько, сможешь ли потом жить с этим, а? И голодному брату в глаза смотреть.

Маша не могла. Поэтому через несколько минут отправилась обратно на промысел. На этот раз мы продумали технику безопасности до мелочей, так что больше эксцессов не случилось. Ни в этот день, ни на следующий, когда волны уже плескалась почти под самым пандусом.

Больше всего нас пугала перспектива полного погружения, но, как и в случае с отливом, подъём воды стал постепенно замедляться, пока вовсе не застопорился, к нашему дикому облегчению. Хотя теперь монстру ничего не стоило вынырнуть к нам навстречу, чтобы снова побаловать себя деликатесом с другой планеты. Поэтому сушка мидий и выпаривание воды происходили исключительно на крыше сооружения. Монотонная работа знатно отупляла, а ещё от беспощадного солнечного света на открытых участках кожи стали вскакивать волдыри. Даже мой тропический загар не спасал.

Друг за дружкой потянулись серые будни, наполненные трудом и размышлениями о смысле жизни.

Мы кое-как обжили платформу, смастерив себе из хлама примитивные лежанки, но с каждым днём всё острее вставал вопрос «Что делать дальше?». Скудный рацион поддерживал нас на ногах, однако с каждым часом наши тела всё больше слабели. А мне всё сильнее хотелось плюнуть на эту обречённую борьбу и отдаться на милость волн. Хотя я прекрасно понимал, что в таком состоянии вряд ли куда доплыву. Если только до дна…

Шестой день заточения на первый взгляд не сильно отличался от остальных. Я спозаранку выполз наружу, чтобы справить нужду и замерить уровень воды,

попутно жуя сушёного моллюска. Это уже практически вошло у нас в привычку, так как на каждого требовалось приличное количество времени. Поэтому мы все потихоньку превратились в жвачных животных.

Однако в этот раз ритуал пришлось прервать досрочно из-за новой детали в окружающем пейзаже. Осмыслив увиденное, я тут же выплюнул драгоценную еду и понёсся внутрь срочно будить Ксандиновых. Пусть тоже на это чудо взглянут – вдруг у меня уже галлюцинации начались?

Хотя вряд ли. Они обычно представляются чем-то красивым и недостижимым, а к нам приближался страшненький, кривовато скроенный кораблик. Будто его собирали криворукие бомжи на промышленной свалке.

И даже если это окажется аналог «Летучего голландца» с призраками вместо нормальной команды, я готов был заложить собственную душу, лишь бы попасть к нему на борт.

Глава 5

На самом деле это оказался не корабль, а самоходная баржа. Причём на вёсельной тяге.

Но свою ошибку я осознал, лишь оказавшись на борту этого ржавого корыта, скрипящего на все лады. Мокрый, побитый и лишённый верхней одежды. Бойтесь своих мечтаний!

Точные габариты судна мне никто не сообщил, но на первый взгляд оно было никак не меньше тридцати метров в длину и около десяти в ширину. Почти всю полезную площадь верхней палубы занимали кривоватые многоярусные надстройки, сделанные из чего попало: из древесины, металла и даже кусков пластика.

На одной из них возвышалось широкое бетонное кольцо, пародируя выхлопную трубу парохода. Никакого дыма оттуда, разумеется, не шло. Свободное пространство оставалось лишь вдоль бортов и в носовой части, укрытой грязным

полотнищем. Эдакая «чилаут-зона» с видом на море, только вместо диванчиков – грязные циновки и кривовато сбитые деревянные лавки.

Туда нас и притащили, грубо бросив на дощатый настил.

Нужно отдать должное гостеприимству аборигенов, оказавшихся, к нашему облегчению, вполне обычными людьми, хоть и странновато одетыми. Уж очень мы боялись увидеть каких-нибудь щупальцеголовых пришельцев или прочую инопланетную экзотику. Каждая деталь на морской платформе указывала на то, что пользовались ею в прошлом такие же люди. Вполне возможно, что наши далёкие предки.

Местные мореплаватели ни секунды не сомневались, принимать ли чужаков на борт. Как только увидели нас, тут же выслали к платформе утлую лодчонку, вызвавшую у нас истеричный смех. Такая скорлупка водяному хищнику на один укус, как сухарик к пиву.

Но намерения у спасателей оказались весьма серьёзные, и наши робкие отнекивания они проигнорировали напрочь. А когда мы наотрез отказались спускаться, нам выдали жёстких тумаков и просто скинули с платформы вниз, прямо в воду, откуда потом же и выловили. Да так ловко, что даже беспомощный Костик не успел толком нахлебаться.

Внешне наши спасители выглядели под стать средству передвижения – будто сюда статистов со съёмок очередного «Безумного Макса» согнали. Кожаные куртки с металлическими клёпками и шипами, штаны из плотной ткани с заклёпками и наколенниками, а также странная обувь в виде помеси сапога с туристическим ботинком. Рейдеры Пустоши, да и только!

Разве что на головах вместо вполне ожидаемых шлемов с шипами – широкие азиатские шляпы из плетёной соломы. Да и оружие, которое я успел мельком разглядеть, уж больно подозрительно напоминало японские катаны. У меня на «лексусе» рычаги коробки передач и ручного тормоза как раз были выполнены в стиле рукоятей этих мечей. Да и в медиакультуре они частенько мелькают. Узнаваемые штуки.

Я как раз успел весело произнести: «Это что, пацаны, аниме?» – прежде чем этими самыми рукоятями мне пересчитали все рёбра. Не забыв и про копчик в

качестве финального аккорда. Отлив всё сильнее обнажал опоры платформы, так что мне представилась прекрасная возможность почувствовать себя настоящим мастером спорта по прыжкам с трамплина. Мой полёт вниз вышел красивым на загляденье, а вот за брызги при погружении в воду судьи наверняка бы сняли штрафные баллы.

Всю апатию как рукой сняло. Даже чистый кофеин не может так сильно взбодрить.

Помимо упомянутых мечей некоторые аборигены могли похвастаться блочными арбалетами, а отдельные уникумы ходили с чем-то напоминающим внебрачного отпрыска сабли и копья. Как они этими оглоблями не цепляли всё вокруг в тесном пространстве палубы – загадка века.

Разговаривали все на каком-то гортанном, лающем наречии, которого мы, разумеется, ни хрена не понимали. Поэтому старались объясняться самыми примитивными жестами. Хотя отдельные слова, проскальзывающие в чужой речи, вызывали какие-то смутные ассоциации. Но времени на вдумчивые размышления мне никто не давал.

Оказавшись на борту баржи, я перепробовал все языки, какие припомнил, но так и не смог наладить контакт со смуглым человеком в помятом кафтане, который вызвался с нами общаться. Он что-то вопросительно рявкал и периодически показывал в сторону платформы. Остальные дикари предпочли рассесться по сторонам, шушукаясь вполголоса. Когда нас избавили от личных вещей и одежды, большинство потеряли к нам интерес, отправившись по своим делам. Чуть позже я заметил их за перетаскиванием толстых бухт из свёрнутых верёвок.

– Хот но рат’су?! – теряя терпение, повторил мужчина в очередной раз.

– Возможно, он спрашивает, откуда мы, – тихонько предположил Костя, которого до сих пор колотила нервная дрожь.

– Мы оттуда, вашу мать тупую! – Я раздражённо ткнул пальцем прямо в небо, где висели сильно потускневшие спутники.

И надо сказать, мой жест вызвал ажиотаж среди оставшихся на площадке аборигенов. Самые эмоциональные вскочили на ноги, опрокинув грубые сиденья, и убежали в неизвестном направлении. Даже суровый дядька в кафтане изумлённо прошептал что-то себе под нос, прижав ладонь к груди. После чего тоже в спешном порядке удалился.

На какое-то время от нас отстали, и я смог спокойно рассмотреть местных жителей поподробнее. Благо вокруг осталось ещё несколько членов экипажа, оживлённо переговаривающихся между собой. Заодно и за нами приглядывали, хотя мы были не в состоянии творить глупости. Уж за борт я бы и под дулом автомата не прыгнул.

Внешне аборигены ничем от нас особо не отличались, но всё же проскальзывало в их внешности нечто странное, подсознательно резавшее взгляд. И когда я начал приглядываться к лицам, до меня наконец-то дошло. Это не один этнос, здесь каждый индивидуум был совершенно не похож на другого. Обладатель плоского носа и узких азиатских глаз стоял рядом с белокожим брюнетом, носителем чисто нордических черт. А внешне смахивающий на индуса мужик имел огненно-рыжую бороду. Встречались также русоволосые и даже чистые блондины.

В общем, перед нами стоял сводный экипаж МКС, вырядившийся специально для фестиваля любителей постапокалипсиса. Для полного комплекта не хватало только обязательного темнокожего. И тот не заставил себя долго ждать. Появился он в сопровождении двух человек, чьё облачение уже напоминало настоящие доспехи, а не кривоватую кустарную подделку, сшитую на коленке. Стоило ему ступить на деревянную палубу, как все разговоры моментально стихли. Из чего я сделал очевидный вывод, что перед нами местный вожак.

Только он никакого отношения к выходцам из солнечной Африки точно не имел. Резкие черты лица и орлиный нос характерны скорее для арабов. Угольно-чёрная кожа едва заметно отливала синевой, а волосы на непокрытой голове, наоборот, оказались полностью седыми, до последнего волоска, включая короткую бороду и даже брови с ресницами. Такой странный контраст почему-то напомнил мне изображение на негативе непроявленной фотоплёнки. А вот глаза в эту схему не вписывались и выглядели непривычно большими, имея розовый белок и ярко-красную радужку.

Вот это я понимаю инопланетная экзотика! Таких чернокожих у нас на Земле точно не было…

Выделяла человека и одежда – длиннополый кожаный плащ и штаны с карманами, напоминающие современные «карго». На поясе висел обязательный местный атрибут в виде широкого изогнутого меча, вроде дурацкой сабли из фэнтезийных фильмов.

Но своими наблюдениями я предпочёл вслух не делиться. Мне и одного купания сегодня вполне хватило.

Мужчина уселся на предложенный высокий табурет и спокойно выслушал доклад толмача-неудачника, который прибежал вместе с ним. После чего принялся задумчиво рыться в плетёной корзине, которую ему услужливо преподнёс тот самый хмырь в соломенной шляпе, что столкнул нас с платформы. Видимо, он успел обшарить сарайчик, прихватив всё интересное с собой. Прекрасно помня вес и габариты алтаря, я даже не стал дёргаться в ту сторону. Его и вчетвером с места не сдвинешь, а всё остальное ценности для меня не представляло.

Забрали мобильники и прочие гаджеты? Удачно вам их сбыть, ребята. Куда больше мне было жаль одежду, но я всё же надеялся, что нам её вернут после всех разбирательств.

Неужели я не смогу договориться? Прежде такого не случалось.

Удовлетворившись осмотром трофеев, беловолосый занялся непосредственно нами. Я повторил свой коронный жест, а когда на тёмном лице лидера появилась скептическая гримаса, прибегнул к последнему доказательству в виде уцелевших смарт-часов на запястье. Пребывание в воде они перенесли вполне достойно, а раздевавшие нас аборигены почему-то оставили их без внимания. Хотя и крестик у Маши на шее тоже никто не снял. Наверное, приняли за личные украшения.

Девушка, оставшись неглиже, чувствовала себя неуютно под многочисленными мужскими взглядами. Хотя среди местных определённо присутствовали и женщины – я успел заметить на борту как минимум трёх. Ещё одна чуть позже подошла к нам сама, встав сбоку от лидера. Она точно относилась к такой же

странной расе, хотя её волосы казались скорее серебристыми, чем белыми. Эбонитовая кожа имела лиловый отлив, а радужка глаз была фиолетовой. Одежда тоже разительно отличалась от мужской, напоминая эдакий средневековый спортивный костюм. Зато он отлично подчёркивал все достоинства стройной фигуры.

Когда я активировал экран, она изумлённо выдохнула вслед за остальными, а вот её соплеменник сохранил внешнюю невозмутимость. Он внимательно посмотрел все изображения, которые я ему продемонстрировал, включая панораму ночного Нью-Йорка и зимнего Лондона, после чего перебросился парой фраз с эффектной соплеменницей. И среди неразборчивой какофонии звуков мне отчётливо послышалось слово «олд».

Мой английский не воспринимался аборигенами от слова «никак», но при общении между ними отдельные знакомые выражения всё же проскакивали. Я с таким столкнулся однажды на Филиппинах, где местные общались на дико искажённой версии, перемешанной с родным азиатским наречием.

– Олд? – радостно повторил я вслед за беловолосым.

Тот лишь ухмыльнулся, хотя явно понял, что я зацепился за знакомое слово. Тем временем чернокожая девушка достала из-за пазухи небольшой стеклянный флакончик, но внутри оказался совсем не парфюм, а какая-то тягучая чёрная жидкость. Нечто среднее между нефтью и смолой, которая с крайней неохотой вытекла наружу. Дабы не капнуть ею на палубу, девица ловко подставила узкое лезвие ножа, невесть как появившегося в её руке. Прямо помощница фокусника какая-то…

Только мне это представление нравилось всё меньше.

После того как капелька жидкости коснулась металла, она повела себя крайне странно, собравшись в идеально круглый шарик. И судя по красноречивым жестам аборигенки, нам нужно было проглотить эту непонятную хрень. Или, по крайней мере, засунуть её себе в рот.

Тут и дебил бы догадался, даже который ни разу не бывал в Таиланде.

– Ни за что! – почти хором выкрикнули Ксандиновы.

– Любопытно, – задумчиво пробормотал я.

– Алекс, ты спятил?! – едва ли не взвизгнула Маша. – Это же может быть отрава!

– Тогда они самые расточительные ребята в галактике, – покачал я головой. – Чтобы убить, им достаточно ткнуть нас любой из этих острых штук на выбор. Если неохота отмывать потом настил от нашей крови, сделать это лучше прямо над водой. А теперь обратите внимание, что творится по левому борту.

Там действительно было на что посмотреть, хотя нашу обзорную точку удачной не назовёшь. И даже части борта хватало, чтобы составить примерное представление о происходящем. Зеваки, покинувшие нас в самом начале, сейчас выгоняли на верхнюю палубу новых людей, одетых в откровенные обноски. Там их шустро обвязывали теми самыми верёвками из бухт, после чего пинком отпускали в свободное плавание. А следом в воду летели небольшие плотики из тростника. Человека на плаву такие спасательные средства точно не удержат, но зато на них можно пристроить что-нибудь полегче.

Например, содранную с опоры мидию.

Я почти не удивился, когда первые пловцы вскарабкались на торчащие из воды опоры, заметно стуча зубами. Явно не от холода. Получается, баржа приплыла сюда не просто так, по щучьему велению, а в поисках морских деликатесов. И наше появление стало для экипажа сюрпризом.

– Там же монстр! – охнул Костик. – Остановите их, кто-нибудь!

– Думаю, они все в курсе.

Но парнишка не успокоился и продолжил привлекать к себе внимание. Даже попытался пантомимой изобразить морского хищника, чем вызвал ехидный смех среди окружавших нас дикарей. Посмеялась и сероброволосая девушка, блеснув белоснежными зубами, после чего подошла к юному археологу и небрежно пнула в живот. Тот охнул от неожиданности и боли, после чего в его распахнутый рот отправилось лезвие с чёрным шариком, едва не порезав парню губу.

Маша дёрнулась было к брату, но её схватили за плечи два крепких мужика в соломенных шляпах, после чего процедура повторилась. Только на этот раз помощница придержала нижнюю челюсть девушки, чтобы та ничего не выплюнула. Вот она, женская солидарность во всей её красе…

Приняв странную пилюлю, Ксандиновы моментально повалились на доски. Видя их распростёртые тела, я всё меньше жаждал получить следующую дозу, но выбора мне никто не оставлял.

Всё те же мужики встали позади меня наизготовку, но я решил сам протянуть руку за шариком, чем удивил не только их, но и саму спутницу лидера. В её фиолетовых глазах определённо промелькнуло что-то вроде одобрения, и она после небольшой паузы ловко стряхнула шарик с ножа прямо мне в ладонь. На ощупь он оказался чуть тёплый, а вот запаха не имел вовсе. И неожиданно стал снова растекаться, едва коснувшись кожи.

– Надеюсь, у меня не будет от него изжоги…

Я слизнул гостинец, но вкус почувствовать так и не успел – язык моментально отнялся, а вслед за ним и нёбо с гортанью. Всё, что мне удалось, – это улечься в нормальную позу, прежде чем волна онемения накрыла меня с головой.

А потом пришла настоящая боль. Такая острая и могучая, что я раз сто успел пожалеть, что не потерял сознание. И вроде бы болевой порог у меня невысокий, но спасительное беспамятство всё никак не приходило.

Тело выворачивало и корёжило, перекручивая каждый сустав по отдельности. А больше всего досталось многострадальной голове. Мозги будто засунули в микроволновку и принялись медленно прожаривать со всех сторон. Глаза пекло так, что казалось – они вот-вот закипят прямо в глазницах. И самое поганое, что пошевелиться было нельзя, поэтому оставалось лишь смиренно терпеть. Иначе я бы с превеликим удовольствием сам себе отпилил этот сгусток концентрированной боли и выбросил куда подальше.

Человеку не может быть настолько плохо! Организм просто не выдержит такого издевательства над собой! Но каждая новая минута это опровергала.

Трудно сказать, сколько так продолжалось. Наверное, целую вечность. Однако когда я смог пожалеть о своём опрометчивом поступке, это оказалось очень хорошей весточкой. До того момента мне даже думать было больно. А так постепенно беснующиеся органы чувств понемногу приходили в себя, и вскоре я расслышал чей-то надсадный вой, буравящий уши.

Только он не давал мне всецело насладиться отступлением негативных ощущений. А так хотелось просто полежать, прикинувшись бесхребетной медузой, выброшенной на берег…

Но мерзкий звук и не думал сбавлять обороты, заставляя двигаться вопреки воцарившейся в организме слабости. Пожалуй, такого оглушительного похмелья у меня не случалось даже после употреблённой по пьяни кислоты неизвестно чьего производства. Меня просто раскатало в лепёшку, после чего свернуло в рулон, и каждое движение воспринималось организмом с неподдельным изумлением. Мол, я и так могу, серьёзно? У меня что, есть руки? Обалдеть!

Вынырнув на поверхность тошнотворного забытья, я первым делом попытался заткнуть уши внезапно потяжелевшими руками. Помогло слабо – громкие вопли не стихали, а даже наоборот, стали как-то фактурнее. В них отчётливо слышались тоска и безысходность.

Сдавшись, я распахнул чугунные веки, чтобы с удивлением уставиться на яркую надпись прямо посреди грязного полотнища, в тени которого мы улеглись.

Оболочка успешно активирована!

Локализация – определена.

Статус – пользователь с ограниченными правами.

Текущее состояние – раб.

Последняя строчка мне особенно не понравилась. Потому я поскорее отвёл взгляд в сторону, но чёртов текст переместился вместе с ним, частично расположившись поверх бортовой обшивки. И только когда я крепко

зажмурился, он таки соизволил пропасть. Чтобы вновь появиться, стоило открыть глаза.

Ни частое моргание, ни вдавливание яблок в глазницы до цветных кругов не помогло. Будто чёртовы буквы были выгравированы прямо на роговице. Если это галлюцинация, то весьма странная. А ещё внезапно выяснилось, почему мои руки двигались с таким трудом, – на запястьях обнаружились грубые металлические браслеты с толстыми дужками по бокам. Состояли они из двух половинок, скреплявшихся между собой толстой заклёпкой. А вот умные часы бесследно пропали, в лучших традициях гетто.

Пока я хмуро рассматривал непрошеные обновки, по ушам резанул очередной крик, уже более информативный:

– Ко-о-остя-а-а!!!

Вопила, как нетрудно догадаться, Маша Ксандинова, склонившись над братом. Достаточно было беглого взгляда поверх надоедливой надписи, чтобы понять – дело плохо. Кожа у парня здорово побледнела, а из носа натекла целая лужица тёмной крови. Кому-то всё же придётся отмывать чёртову палубу…

Чертыхаясь, я попытался подползти к нему поближе и только тогда обнаружил на себе ещё одну пару тяжёлых браслетов – на этот раз на лодыжках. Ноги и без того стали ватными, а с утяжелителями так вообще превратились в неподъёмную обузу. Так что покрыть смехотворное расстояние получилось далеко не сразу, почти ползком.

Вокруг нас снова собирались гогочущие дикари, но мешать или помогать нам никто не собирался. Все со смехом наблюдали за моими потугами, делясь комментариями вполголоса. Зато хоть чёртовы письмена убрались наконец-то с глаз долой. Остались лишь редкие строчки, пробегающие по нижней границе поля зрения, только вглядываться в них мне было некогда.

Маша щеголяла точно таким же набором начинающего мазохиста, а вот Костика никто не трогал. И когда я проверил его пульс, стало понятно почему. Ни на бледной шее, ни на запястье сердцебиение не прощупывалось. Более того, рука парня гнулась с большим трудом, будто бы… окоченела.

Как-то раз мы застали одного нашего общего знакомого в подобном состоянии. Переборщил с дозировкой какой-то дряни, на которой уже давненько сидел. Пришлось потом даже поучаствовать в настоящем полицейском допросе и потратить немало нервов и денег, чтобы от меня отстали. Так что труп от живого человека я отличить худо-бедно мог.

Маша сейчас вряд ли что-то соображала и периодически колотила брата по груди, подражая врачам скорой помощи. Хотя для реанимации было уже откровенно поздновато. Остановило её только появление чернокожего главаря, который с невозмутимым лицом встал напротив нас. Хотя яростный взгляд, которым его наградила обезумевшая от горя Ксандинова, мог запросто прожечь дыру в бортовом настиле.

– Хот аш рат’су?

И тут у меня в голове что-то щёлкнуло, отдавшись тупой болью в висках. А плохо различимые строчки, то и дело мелькавшие перед глазами, резко набрали объём и контраст. Так что я смог их прочитать.

«Ты меня понимаешь?»

Проморгать надпись снова не получилось, поэтому мне оставалось только кивнуть. Но тут некстати вспомнились болгары с их нестандартной жестикуляцией, поэтому я ещё высказался вслух на всякий случай:

– Да.

Переливающиеся слова тут же испарились, сменившись коротким «аш». Его я и повторил, доверившись внутренней интуиции. Если это такой перевод, то почему бы ему не быть взаимным?

Лидер полностью удовлетворился моим ответом, после чего обратился к безутешной девушке с тем же вопросом. Но та лишь разразилась потоком нецензурной брани, продолжая гладить остывающее тело Костика.

– Убийцы! Чтоб вы все сдохли, суки!

Лидер без труда уловил суть претензии и степенно произнёс:

– Этот человек был слаб и не вынес древнего дара. Такое случается. На Пангако нет места слабым.

Я всё больше осваивался с онлайн-переводчиком, вшитым мне прямо в глаза. Отчасти это напоминало режим дополненной реальности, только без специальных очков. Одно лишь загадочное слово «Пангако» так и написалось на русском транслите, из чего я решил, что это какое-то местное название. Может, прямо этого судна. Ведь стоило вождю окончить последнюю фразу, как его подручные подскочили к Костику, отпихнув голосящую сестру в сторону, и без всякого почтения выкинули его за борт.

Вместо прощальных слов получился громкий всплеск.

Вопли Маши ушли куда-то в инфразвук, и она обезумевшей фурией бросилась на беловолосого. Но тот встретил её небрежной пощёчиной, отправившей девушку в короткий полёт обратно на дощатый настил палубы. Грохнувшись с размаху, она уже не вставала, уйдя в глубокий нокаут. Отчего-то мне подумалось, что вложи он в удар чуть больше силы, на дно отправилось бы ещё одно бездыханное тело. Но на этот раз женское. Если при жизни к нам не проявляли особого почтения, то после смерти и подавно не стали бы.

Будь я истинным джентльменом, тут же бросился бы защищать попранную женскую честь, даже с голыми кулаками. За что непременно бы отхватил свою порцию необязательных побоев. Так что оставалось лишь порадоваться тому, что я – не джентльмен и могу обойтись без лишних страданий. Костика мне было искренне жаль, без всякой притворной вежливости, но ничего с его смертью уже не поделаешь. В последние дни он начал сильно сдавать, особенно когда ограниченный запас таблеток подошёл к концу.

Может, окажись на борту толковый медик, ему и смогли бы помочь, но я сильно сомневался в наличии подобного специалиста среди дикарского экипажа. Очень уж красноречивой была фраза про то, что слабым здесь нет места. Наверняка в лучшем случае больному позволят выздоравливать самостоятельно. В худшем – отправят на корм рыбам…

Оказывается, вождь внимательно следил за моей реакцией. И когда удостоверился, что я нападать не собираюсь, одобрительно произнёс:

– Ты неглуп. Возможно, из тебя выйдет толк. Можешь задать мне три вопроса.

От такого поворота событий впору было впасть в ступор, что я и сделал.

Мне казалось, что сейчас меня будут долго и вдумчиво допрашивать, но вместо этого оставшаяся часть зевак разошлась по своим делам, оставив нас чуть ли не наедине. Сбор урожая подходил к логическому концу, и пока одни дикари складывали добытые ракушки в грубо сколоченные ящики, другие общими усилиями вытягивали из воды намокшие верёвки. И далеко не все из них продолжали подстраховывать несчастных пловцов. Некоторые оказались оборваны, а на одной даже виднелись свежие разводы алого цвета.

Вопросов у меня накопилось превеликое множество, но лидер всем своим видом показывал, что на долгий разговор не настроен. И вообще, он тут чисто для того, чтобы проконтролировать работу подчинённых. Те самые мужики, что выбросили тело Костика, притащили из надстройки ещё несколько колец, куда шире предыдущих. После чего принялись деловито примерять их к шее бесчувственной девушки. Надо полагать, что следующим в очереди за этим кустарным ожерельем стану я сам.

Из-за одностороннего конвертирования приходилось бить предложения на сегменты, чтобы проговаривать их по очереди, но в целом наше общение пошло без особых проблем.

– Вы сказали, что такое случается со слабыми, – начал я издалека. – Значит, мы не первые, кто принял этот ваш… дар?

– А ты хитрец, – цокнул языком беловолосый. – Столько всего разом спросил. Это наследие Древних. Тех, кто был до нас. Оно имеет множество названий – Панацея, Древнее Семя, Мумиё… Его применяют после серьёзных травм, чтобы они зажили быстрей. При рождении каждый ребёнок обязан его принять, но не все с этим справляются. Слабые умирают. Вы тоже в каком-то смысле родились, заново. Вам повезло. Иноземцы чаще всего умирают, не дожив до конца испытания.

Во время этой длинной речи мне удалось уловить ещё несколько знакомых слов. Помимо встречавшегося ранее «Олд», обозначавшегося как «Древние», встретилось «мори» в значении смерти и «тест», который перевёлся как «испытание». Первое точно относилось к латыни, являясь частью одной из самых знаменитых пословиц, а вот насчёт происхождения второго я уже не был настолько уверен. И наконец, «Мумиё», произнесённое мужчиной с большим трудом. Чуть ли не по слогам. Сразу видно, что это словечко не в обиходе и здорово напрягло его речевой аппарат.

В целом же местный язык оказался прост и даже примитивен, будто его старательно вычищали от всякого ненужного. Рубленые слова не могли похвастаться большим набором звуков, нанизываясь друг на друга в строгом порядке. Представляю, как трудно здесь приходится поэтам.

– Даюхан? – повторил я выражение «иноземец». – Так есть и другие?

– Подобное иногда случается среди древних построек, – продолжил просвещать меня лидер. – Но чаще всего мы находим лишь трупы в странной одежде. Скажу сразу: забудь о своём прежнем мире. Из Пангако нет выхода. Задавай последний вопрос, не тяни.

Время действительно поджимало. Мужики с помощью молота и такой-то матери заклепали ошейник на бесчувственной девушке и теперь вовсю примерялись ко мне.

Спрашивать о диске «Би» сейчас не имело особого смысла. Либо про них ничего не знают, либо они тут ещё бо?льшая редкость, чем у нас на Земле. Кстати, теперь я хотя бы определился с названием этой воистину гостеприимной планеты. И зачем сюда, спрашивается, наши предки путешествовали? В экстрим-тур от нечего делать?

Хотя за столько времени здесь всё могло разительно поменяться…

– Что нас ждёт?

– Снова хороший вопрос, иноземец. Мы спасли вас, и поэтому ваши жизни отныне принадлежат нам. Хотите получить свободу – прилежно трудитесь или умрите. Те, кто вернётся с нами из похода по Великой пустыне, перестанут быть

рабами. Это наше священное правило. Они смогут присоединиться к нам или идти своей дорогой. Так заведено.

Закончив воодушевляющий слоган, мужик вразвалочку направился к добытчикам мидий, а я обзавёлся собственным ошейником. И в то, что его с меня когда-нибудь снимут, верилось слабо. Трудовой инспекции здесь не наблюдается, а вот наплевательское отношение к рабочей силе и к технике безопасности видно невооружённым глазом. Без всяких эффектов дополненной реальности.

Кстати, о ней. Помимо уже привычного перевода я постепенно стал различать над каждым человеком статичную надпись, как в вирт-чатах, куда мы с ребятами иногда залетали поугорать.

Большинство из них не поддавалось конвертации, из чего я сделал очевидный вывод, что это имена. Интересно, а надо мной что-то горит?

Закончив с заклёпкой увесистого аксессуара, мужики сопроводили меня вниз, даже не удосужившись поинтересоваться, не натирает ли мне где-нибудь. Машу Ксандинову, которая так и не пришла в себя, один из аборигенов закинул на плечо и понёс следом.

Внутри оказалось сыро и темно. Пронзительно воняло чем-то тошнотворным, но я не специалист по таким ароматам, поэтому понятия не имел, чем именно. Побродив немного по тесным проходам между переборками, мы вышли к внутренней стороне левого борта, где на деревянных лавочках по двое сидели тощие невольники. У каждой пары помимо коротких цепей в распоряжении было длинное весло, уходящее через узкую прорезь в металле прямо в воду. Сразу вспомнились знаменитые римские галеры, хотя гребцов для такой чугунной махины было явно маловато. Они скорее маневрировали на месте, чем приводили баржу в движение.

Мне выдали точно такие же обноски из грубой мешковины, пропахшие застарелым потом, и приковали к самой дальней скамейке, до этого пустовавшей. Видимо, о собственной одежде всё же нужно забыть. Ржавая цепочка позволяла подняться на ноги, чтобы немного размять их, а вот отойти от рабочего места – уже нет.

Поначалу я не собирался напяливать на себя грязные тряпки, но оставаться в одних трусах посреди этой антисанитарии было не лучшей идеей. Загонишь занозу или порежешься ненароком – и что дальше? Тут даже на большинстве цепей имелся солидный налёт ржавчины, что уж говорить об остальном окружении.

Пришлось кое-как облачаться, отчаянно борясь с собственной брезгливостью, пока конвоиры кого-то отстёгивали в полутёмном углу. Не иначе мне в помощь. Там как раз стояло несколько деревянных столбов, предназначавшихся для вертикального содержания пленников. Большинство из них сейчас пустовало, и лишь на нескольких висели чьи-то худощавые фигуры. То ли проштрафились ребята, то ли они тут так просто отдыхают – не поймёшь.

А вот когда к моей скамейке подвели «напарника», осталось только порадоваться тому, что я прикован. Его внешний вид больше побуждал опрометью броситься в воду, чем заниматься совместной работой. Мой испуганный вопль ещё долго гулял эхом по самым отдалённым закуткам баржи. Так громко ноту «ля» я ещё никогда не тянул.

– Уберите его от меня!

Как ни странно, русские слова аборигены прекрасно поняли. Видимо, контекст ситуации располагал. Потому что надо мной стали дружно ржать все вокруг, включая самих гребцов. И только странное существо, которое подвели конвоиры, нервно вертело головой. Или что там у него…

Поначалу я вообще удивился, как в полумраке нижней палубы спутал это с человеком. Подвело антропоморфное строение. Но чем больше я приглядывался, перестав биться в путах, тем сильнее убеждался, что к людской расе оно не имеет никакого отношения. Вылитый инопланетянин, мать его, с Альдебарана!

Так и от инфаркта в двадцать пять лет помереть недолго…

Кожа гуманоида была цвета мокрого песка и казалась очень плотной даже на вид. В области суставов, а также на тонкой шее и на не менее тонкой талии она приобретала светло-серый оттенок. Само тело казалось каким-то измождённым из-за проступающих рёбер на торсе и худых рук всего с тремя толстыми пальцами. Но если верхние конечности ещё кое-как напоминали по строению

человеческие, то нижние представляли собой нечто странное. Непропорционально широкие бёдра прикрывала излохмаченная накидка, из которой торчали две тонкие ходулины без намёка на ступню. Однако стука при передвижении они почти не вызывали.

Финальным аккордом являлась голова, имевшая геометрию кирпича, поставленного на торец. Непропорционально вытянутая кверху, лишённая носа и губ. Вот уж у кого действительно плоское лицо…

Вместо рта – узкая щель, отделяющая подбородок, глаза же, наоборот, огромные и чёрные, как два обсидиановых шара. Ни единого намёка на зрачок или радужку. Ещё из головы в районе нижней челюсти торчала пара странных рожек, а в верхней, приплюснутой, части имелся странный нарост, под прямым углом уходящий в сторону затылка. По силуэту это больше напоминало человека, напялившего на себя кепку козырьком назад.

– Да не бойся ты, иноземец, – отсмеявшись, успокоил меня конвоир. – Он тебя не съест!

Снова грянул дружный гогот, порождая дробное эхо. Видимо, у них тут совсем с развлечениями туговато.

Странное существо продолжало робко переминаться на своих несуразных ходулях, не решаясь делить скамью рядом с таким истеричным неадекватом. Только бросало многозначительные взгляды в сторону пыточных столбов. При взгляде на его поникшую фигуру даже стало немного стыдно за свою ксенофобию.

– Ладно, садись уже, напарничек, – произнёс я, сверившись с онлайн-переводчиком. – Но предупреждаю сразу – я желчный и невкусный!

Глава 6

Несмотря на страхолюдскую внешность, мой компаньон по веслу оказался вполне смирным парнем. Зря его боялся. А вот источник информации из него

вышел так себе, хотя он мог сносно общаться на всё том же рубленом местном наречии. Голос у него был очень специфический – сиплый и при этом очень тонкий и певучий. Гласные он тянул с неким подвыванием, особенно в конце слов. А ещё любил часто прищёлкивать языком во время эмоциональных всплесков.

Да, у него имелся язык, очень длинный и гибкий, а также полная пасть разнокалиберных зубов, которые он невольно продемонстрировал мне во время ленивого зевка. Не акула, конечно, но и далеко не безобидная лошадка. Даже удивительно стало, как все они там помещаются. Я с большим трудом сохранил самообладание при виде такой мечты стоматолога, но потом постепенно привык и перестал обращать внимание. Существо явно относилось к всеядным, как и мы, люди. У того же медведя улыбка тоже весьма впечатляющая, если так подумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tekshin_anton/zastryavshiy-v-velikoy-pustyne

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить